

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ

УМЕТРА

КОЗЕ

ШИМУН ВРОЧЕК

ПИТЕР

СПЕЦИАЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

FUTURE CORP.

18+

Метро

Шимун Врочек

**Метро 2035: Питер.
Специальное издание**

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Врочек Ш.

Метро 2035: Питер. Специальное издание / Ш. Врочек —
«Издательство АСТ», 2019 — (Метро)

ISBN 978-5-17-118814-6

Прошло двадцать лет после чудовищной войны, превратившей Землю в руины. Петербург – город холодной земли и холодной воды. Жизнь на поверхности невозможна, немногочисленные люди обитают в тоннелях метро... Иван, опытный диггер, отправляется в путь, чтобы вернуть украденный с родной станции генератор. Иван еще не знает, что самым трудным будет не уйти – самым трудным будет вернуться обратно. И выжить. «Питер. Специальное издание» – жесткая и бескомпромиссная авторская версия романа-бестселлера, вышедшего в 2010 году. К настоящему моменту продано более ста тысяч экземпляров, роман переведен на шесть иностранных языков. Издание включает в себя бонусные материалы. Книга содержит нецензурную брань.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-118814-6

© Врочек Ш., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Вместо пролога	6
Часть I	7
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	27
Глава 4	42
Глава 5	59
Глава 6	71
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Шимун Врочек
Метро 2035: Питер. Специальное издание

ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2035

Автор идеи – *Дмитрий Глуховский*

© Глуховский Д.А., 2017

© Врочек Ш., 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Вместо пролога

Мы все уже умерли.

Тем, кто читает это послание, моя последняя просьба. Представьте:

Допустим, мы выпустили джинна из бутылки.

И нам не загнать его обратно. Теперь нам придется загадывать желание.

Мы загадываем желание.

Тысячи, миллионы наших желаний исполняются одновременно.

Какое было самое заветное, самое сильное и самое неэгоистичное из них?

Хочу, чтобы этот мир просто исчез.

Сгорел в ядерном огне.

Вымер от чумы.

Захлебнулся в отбросах.

Теперь мы все получили.

Все разом.

...Пожалуй, это единственное из человеческих желаний, которое действительно могло исполниться.

Аминь.

И покойся с миром.

«...счастье для всех, даром, и пусть никто не уйдет обиженным».

Часть I

Сырая земля

*Как старой собаке с поджатым хвостом
зачем ей сейчас, беби, зачем ей потом
в продрогшем кафе снятся зимние сны
на этой холодной земле не бывает войны*

*холодной земле
холодной земле
холодной земле*

*Так не плачь, моя птичка, пока есть дрова
хорошие спички и в трубке трава
немного угля и большая кровать
и эта сырая земля где мы будем спать*

*сырая земля
сырая земля
сырая земля¹*

Глава 1

Тигр

Иван помедлил и погрузился в воду по пояс. Сначала он даже не понял, что это вода – настолько теплой, неотличимой она была от душного воздуха Приморского туннеля. Иван поднял автомат над головой и пошел вперед. В узком луче фонаря возникали то куски тубинга, то остатки сгнивших кабелей. Гладь воды казалась бесконечной. Под зеленоватой мутной поверхностью таилась своя жизнь. Иван брел, водоросли обтекали его вокруг пояса. Вода промочила защитные штаны, прохлада дошла до кожи. В отсвете фонаря мелькала размытая тень «калаша».

Кланк! – донеслось издалека. Иван замер.

Он положил автомат на плечо, выключил налобник. Свет погас. Жесточайшая, глубокая темнота была вокруг. Звуки. В этой темноте что-то плюхало, принохивалось, чавкало и жевало, рвало кого-то на части кривыми острыми зубами и шло дальше.

Иван ждал, борясь с желанием дать очередь из автомата.

Вспомнились рассказы про разбежавшихся зверей из зоопарка на Горьковской. «Спокойно. Только встречи с тигром мне и не хватало».

Выждав минуту, он включил фонарь. Это было как возвращение домой. Человек может обходиться без многого: без еды, без воды, но без света он просто ложится и ждет смерти, словно темнота высасывает из него последние силы. Иван повел головой. Зеленоватая вода колыхалась в узком луче.

¹ Cold Cold Ground, Tom Waits (вольный перевод Д. Сергеева).

Через двести метров будет выход на платформу. Самое смешное, что Горьковскую, где был зоопарк, открыли незадолго до Катастрофы. Перепуганные зрители побежали вниз, спасаться, а зверей бросили. И сейчас наверху такое... Иван покачал головой, луч фонаря качнулся вместе с ним.

«Где же я видел эту штуку? – подумал Иван. – Ладно, разберемся на месте».

* * *

Станции в питерском метро строили на так называемых «горках», на подъеме туннеля. Поэтому в самом глубоком месте воды было по пояс, а ближе к «Приморской» стало по щиколотку. Иван замедлил шаг. Диод вяло моргнул, свет стал бледным.

Ну, вот. Батарейки сели.

Найдя место посуше, Иван достал зажигалку. Раскалив батарейку над пламенем так, что держать стало невозможно, вставил ее в фонарь и взял следующую. Батарейки протянут еще минут двадцать – пока будут остывать.

Физику, блин, знать надо.

А потом придется на карбид переходить. Иван однажды натолкнулся на метростроевский склад карбида. Килограммов пятьсот – в четырех металлических бочках. Отличная штука карбид, только носить тяжело. Но зато свет самый лучший. Карбидная лампа не слепит, а освещает все вокруг – ровно, тепло.

Даже любимый диод, не раз выручавший в самых фиговых ситуациях, ничто против обычной карбидки. Иван вставил раскаленную батарейку в фонарь, защелкнул крышку. И только потом начал трясти рукой – ну, бля. Обжег пальцы все-таки.

Белый тусклый свет вырвался из фонаря. Иван зажмурился. Подул на ладонь, сжал пальцы, разжал. Перед глазами мерцали пятна. Надо двигаться, пока свет еще есть.

Иван надел каску, пристегнул ремешок. Быстрее, быстрее.

Двадцать минут максимум. Потом еще раз нагреть.

Иван закинул автомат на плечо и побежал, плюхая сапогами. От сырости туннели обваливаются, можно запросто получить по голове куском потолочной отделки. Хорошо, что машины, откачивающие воду, еще работают. Так говорил дядя Евпат, а ему Иван верил. Гул, который слышно в перегонах... «Чуешь» – говорил дядя Евпат и многозначительно поднимал узловатый палец.

Вот и рейка.

Иван повернул голову и высветил черно-белую металлическую полосу, заржавевшую от времени. С нее капала вода.

Раньше за рейку надо было бежать, если упал с платформы. Поезд дальше не идет, это ориентир, безопасная зона. Тут должна быть лестница. Иван прищурился. «Ага, вот она».

Иван передвинул АКСУ под руку. Прежде чем ступить на лестницу, внимательно оглядел платформу. Темное пятно метнулось в свете фонаря. Иван вскинул автомат... нет. Всего лишь крыса. Обычно на оставленных людьми станциях всякая нечисть заводится... «Что крысы тут жрут, интересно? Водоросли? Плесень? Мох, который покрывает потолок станции и которым начали обрастать колонны и стены?»

Странный, кстати, мох. Целые гирлянды свисали у северного конца платформы, особенно много их было в правом туннеле, где они спускались до самой воды. «Нет, там я не пойду. Даже не просите».

Помедлив, Иван перекинул автомат за спину и взялся за перекладину. Под перчатками осыпалась влажная ржавая грязь. Все разрушается. Всему приходит конец.

А ведь была жилая станция! Иван помнил: здесь, под выгнутым высоким сводом, горели натриевые лампы, освещающие колонны, отделанные серым с желтовато-зелеными прожилками

мрамором. Правда, плитка местами отвалилась, а лампы работали через одну. Но все равно это было... прекрасно.

А пахнет здесь Заливом. Но не хорошим Заливом, как раньше, а гибельным – черным, в глубине которого обитают огромные серые рыбы и чудовищные полупрозрачные создания. Заливом, который светится в темноте. А днем, когда солнце, в город все равно никто не выходит. Дураков, извините, нет.

Точнее, есть, но скоро переженятся.

Иван хмыкнул.

Он перелез через решетку и ступил на служебный пандус. Дальше по узкой полосе платформы, справа, будет дверь в служебные помещения.

«Стоп. Не торопись».

Первое правило: в метро нет ничего постоянного. За самое ничтожное время все могло измениться.

Второе правило: любые изменения – опасны.

Он остановился. Поворачивая голову, обвел лучом фонаря пространство вокруг. Высветил мраморную стену туннеля – часть плиток отвалилась, на их месте зияли черные квадратные дыры, полусгнившие мешки с песком, лужи на платформе, и... ну надо же!

С полукруглого свода свисала гирлянда серого мха. Ивану показалось, что мох слегка фосфоресцирует. Радиация? Вряд ли.

Радиации здесь не так много.

А что это за запах?

Иван отступил на шаг, достал из сумки противогаз. «Береженого Бог...»

ГП-9, хороший, почти новый. Два магазина патронов стоит. Еще каждый фильтр по двадцатке. Сдуреть можно, какие сейчас цены. Зато вместо круглых окуляров, как у ПГ-5, и резиновой морды с хоботом – треугольные стекла с хорошими углами обзора и два разъема: хочешь, ставь фильтр справа, хочешь – слева. Отличная штука.

Иван расстегнул ремешок каски. Родной диод горел чистым белым светом – жаль, батареек скоро конец. Иван опустил на колено, раскатал скатку с ковриком, положил каску и повернул ее так, чтобы свет падал вдоль платформы.

Аккуратно зацепив за подбородок, натянул маску на голову. Каждый вдох теперь стал шумным, как извержение грунтовых вод, когда они пробивают стену туннеля. Запах и вкус у этого воздуха был своеобразный: стерильный и отчетливо химический.

Фильтр с красной маркировкой: аэрозоли и радиоактивная пыль. Полтора часа.

Лишь бы не подделка. Раньше в метро «дурь» подделывали, теперь – фильтры к противогазам и патроны. Уроды. Однажды ему предлагали купить двустволку с полсотней зарядов к ней. Картечь, крупная дробь, пулевые. Стоило это так недорого, что Иван засомневался. А потом разглядел на патронах следы заделки. И не купил.

Может, зря. Двустволка бы ему пригодилась. Против любой хуйни, что выскакивает из темноты, разряд картечи в упор – самое то. «Калаш» – хорошая штука, даже такой короткоствольный «ублюдок», как у Ивана, но для автомата нужно расстояние. Вблизи лучше что-нибудь поубойнее, и чтобы целиться поменьше.

Иван сделал пару глубоких вдохов – на пробу. Нормальные фильтры. Ремешок противогаза больно впился в затылок. Так и не отрегулировал толком.

Иван надел каску. И превратился в слух.

Вдалеке капала вода, и вблизи капала вода. Что-то шуршало едва слышно – может, та самая крыса, что он спугнул. Ничего. Потрескивание туннеля – это привычно, оно всегда есть.

«Земля давит» – говорил дядя Евпат. Он когда-то служил на подводной лодке и про давление знал не понаслышке. Как и про многое другое.

Например, почему началась война. Справедливости ради, причину Катастрофы знают все в метро. Только у каждого она своя, единственно верная. Как соберутся «старички», так давай спорить до разрыва аорты: кто виноват?

А ответ простой: вы и виноваты.

Ходит легенда о тигре, который вырвался из зоопарка и сбежал в метро. Успел, бродяга. Старики рассказывают, своими глазами видели полосатого, прыгающего на пути и исчезающего в туннеле. Одни говорят, тигр бежал в сторону «Невского проспекта», другие – в сторону «Петроградки». Просто красивая легенда, подумал Иван с сожалением.

Сказка.

Как и рассказы Водяника об Испании. Иван слушал профессора и думал: что ж ты врешь? Нет больше твоей, Водяник, Испании, нет зеленых парков Барселоны, сухим песком рассыпались замки Гауди – кто это вообще такой? – гикнулись испанцы.

А у нас разве лучше?

От вымерших улиц Петербурга бросает в дрожь, Кронштадт населен призраками военных моряков. От Петергофа с его огромным парком остались одни воспоминания.

– Были такие конфеты, – рассказывал Водяник. – Чтобы сфотографировать кого-то, ему говорили не «улыбнись», а «ну-ка, скажи: мои любимые конфеты «кис-кис». Видите, сразу улыбка получается. А бегемот... это в анекдоте было... как же там? Бегемота хотели сфотографировать. Бегемот вместо «кис-кис» сказал: «Мои любимые конфеты – бато-ончики». Понятно? Как непонятно? Я что-то пропустил? А! Ну, это были его любимые конфеты. Очень вкусные. И он сказал: бато-ончики. Бегемот честный. Теперь смешно? Нет? Странно.

Иван усмехнулся. Бато-ончики – тоже сказка.

Он оглядел платформу. А вот это грубый реализм, мертвая станция.

Услышав низкое глухое рычание, Иван вздрогнул. Медленно повернулся. И замер, забыв дышать.

Перед ним стоял тигр.

Красивый, как на картинке в детской энциклопедии. Огромный. И белый. В глазах зверя таял сумеречный свет фонаря.

«Вот тебе и Испания», подумал Иван невпопад.

В первый момент он ничего не понял. Стена вдруг навалилась на него, опрокинула, ударила в плечо, сбила в грязную, мутную жижу, брызги полетели в стекло противозага... Тигр, думал Иван, лежа на платформе.

Вода залила маску. Фонарь чудом не погас. Иван видел, как в конус света вошли чьи-то ноги... Услышал собственный вдох. Повезло. Еще чуть-чуть, и паника бы его накрыла... Но вода через фильтр, рассчитанный на химические аэрозоли, не прошла, поэтому вдруг не стало воздуха. И это привело Ивана в чувство.

Он понял, что это никакая не стена.

На него напали, м-мать.

Выплеск адреналина. Сердце стало раза в три больше. Мгновенно обострившимся зрением Иван видел, как движется в луче света то, что он принял за человека... Не ноги. Щупальца. Бледно-прозрачные, они плавно изгибались, словно были из мягкого стекла.

Иван встал. Автомат оказался в руках. Иван не успел ничего подумать, как тот задергался. Та, та, та. Звук, словно вбивают гвозди в железную бочку.

Серия фонтанчиков протянулась по воде, задела прозрачный столб, тот отдернулся. Иван с усилием повернул автомат – и снова вдавил палец. «Ублюдок» медленно, как во сне, толкнулся в руках. Раз, два, сосчитал Иван – и отпустил спуск. В тягучем, гипнотическом замедлении он видел, как первая, вторая, третья пуля входят в воду. Пум-м-м, всплеск. Изгибающийся столб, похожий на шланг от прозрачного противозага, взлетает и прячется; раз – и нет его.

«Врешь, сволочь».

Иван вскинул автомат, упер приклад в плечо. Вырез прицельной рамки оказался перед глазами. Вдох. Выдох. Обжигающая, точно кислота, кровь пульсировала в венах. Стук сердца отдавался в висках...

Бух. Бух.

Бух.

В следующее мгновение щупальце высунулось из-за угла. Иван ждал. Биение сердца стало невыносимо громким, почти болезненным. У него осталось полмагазина максимум. В первый момент он даже не считал патроны. «Идиот».

Если открыть огонь сейчас, тварь – а это, скорее всего, было нечто, что обитало здесь недавно... что-то, пришедшее из моря? – уцелеет, и он только потратит оставшиеся патроны. Что делать?

Иван сместился правее, держа щупальце на прицеле. Это то, которое он задел? Или уже другое? Через секунду он почувствовал странное давление на лоб. Казалось, свод станции медленно опускается ему на голову. Нестерпимо захотелось пригнуться и лечь на мокрый пол, чтобы не раздавило гигантской тяжестью.

«Ах ты, сволочь». Иван разозлился, и давление исчезло. Психическая, бля, атака. Вспомнилась байка про Блокадников, которые вкручивают человеку мозги так, что ты идешь к ним, как кролик в пасть удава.

«Только я не кролик, – подумал Иван. – И не морская свинка».

Он передвинулся вправо, прислонился плечом к мраморной стене. Внезапно щупальце метнулось в то место, где он стоял раньше. «Ага, умный, значит. Я тоже умный».

«Как же мне тебя достать?»

Иван расстегнул ремешок каски. Это была оранжевая, перекрашенная в защитный серый цвет каска метростроевца.

Щупальце осторожно коснулось пола, затем стены. «Как слепое». Ивана передернуло.

Он положил каску на пол. Чуть повернул ее, чтобы свет падал на основание колонны. Выпрямился и сделал шаг вправо... еще один. Щупальце продолжало трогать колонну, цепляло плитки. Одна вывалилась и разбилась. Кланк! Так вот что это был за звук...

Щупальце вздрогнуло, но продолжало искать. Потом тварь, видимо, устала ждать. Из-за поворота неспеша выплыло второе щупальце, направилось к первому. Иван сдвинулся еще немного. Осталось решиться на последний рывок, добежать до угла, заглянуть...

«И ничего не увидеть».

Потому что свет сейчас отвлекает щупальца. Каска. А батарейкам там работать от силы минут десять. Значит, ждать.

Наступление на Приморскую началось полгода назад. Прежде это была обычная жилая станция, хотя и пограничная – из-за туннеля, прорытого к Заливу. До войны на искусственной насыпи собирались строить еще одну станцию. Но туннель сделать – сделали, а платформу даже не начинали. Из тупика стала поступать морская вода, не слишком чистая, с рентгенами. Ее становилось все больше. Уровень радиации на станции повысился, но не критично. А вот с остальным...

Сначала из туннеля появились водоросли.

Затем – твари. Их отстреливали. Пока они тупо лезли на свет, это была не проблема. Потом тварей стало больше. И вода прибывала. И настал момент, когда «Приморскую» пришлось оставить. Хотя приморцы и цеплялись за свою станцию до последнего. Но что поделаешь?

Море после Катастрофы вообще загадка. Весь мировой океан – одна охуенно большая загадка. Что там, в отравленном бульоне жизни, сварилось?

Вот эта прозрачная гнида, например.

Иван продолжал сдвигаться к краю платформы, держа щупальца на прицеле. Судя по ним, обладатель конечностей должен быть вполне приличного размера.

«Все-таки поймал он меня с тигром», подумал Иван. А может, не кальмар виноват, а тот мох? Иван вспомнил мозолистый, сладковатый запах. Словил галлюны, как от дури? Принял слабо светящиеся отметки на концах щупальцев за глаза тигра. Так?

«Черт его знает».

По-хорошему, надо бы отсюда валить. Будь Иван с напарником, дал бы задний ход, потому что это правильно. Беречь людей, не рисковать зря.

Но сейчас он один. И у него важное дело.

«Думай, Иван, думай».

Щупальца продолжали поиски. Одно добралось до разорванного по шву мешка с песком. Раз! Схватило и подняло его. Иван только моргнул.

Песок с треском высыпался в воду. Щупальце отдернулось, грязная мешковина упала в лужу.

Другое щупальце развернулось и поползло к каске.

Иван смотрел на слабеющий луч фонаря. Жаль, придется переходить на запаску. Не зря же он таскает с собой несколько килограммов карбида...

Иван замер. «Действительно!»

Он опустился на пол, задвинул за спину автомат, достал из сумки лампу. Вообще это простая штука. Миниатюрная горелка, отражатель, кремь и колесо для поджига, пластиковый бачок с двумя отделениями – верхнее для воды, нижнее для карбида.

Из верхнего отсека вода поступает в нижний. Карбид шипит и выделяет ацетиленовый газ, который через трубку идет в горелку. Поджигаем, ставим лампу в зажим на каске, и готово. А без каски нельзя.

Потому что ацетилен может взорваться.

Иван открыл сумку. Нашупал полиэтиленовый пакет с карбидом, вытянул. Увесистый. На три часа работы карбидки надо примерно граммов триста-четыреста. Плюс НЗ на несколько дней, итого семь кило карбида. Обычно Иван использовал карбидку как основной источник света, но в этот раз думал сэкономить, обойтись диодом – батарейки можно найти на поверхности. В конце концов, их делают на «Техноложке» – хоть и плохие.

А вот с карбидом сложнее.

Химическую промышленность даже «Техноложке» возродить не под силу.

Иван вытянул пакет, развязал узел. Дальше просто.

Заправляем лампу. Иван насыпал карбид, который от влажных перчаток сдавленно фыр-кал и плевался, в бачок лампы, отрегулировал подачу воды. Тихое яростное шипение. Началось.

Иван шелкнул зажигалкой. Язычок пламени. Вдруг ацетилен разгорелся так ярко, что диггер отшатнулся. Черт.

Взгляд на щупальца. Мощный свет заставил их замереть, затем они снова начали двигаться.

«Ну, теперь в темпе».

Держа в одной руке лампу, в другой – пакет с карбидом, Иван перебежал к краю платформы. Пригнулся. Прозрачные щупальца высывались из-за угла в метре над его головой.

Бламц, вжик.

Иван обернулся. Щупальце добралось до каски и теперь волочило ее по гранитному полу. Каска скрежетала. «Только сломай, сволочь».

Иван лег на платформу, высунулся из-за угла.

В первый момент он решил, что это галлюцинация. Нечто похожее Иван видел в последнюю вылазку с Косолапым, когда они специально вышли к морю, чтобы посмотреть – как там. А на берегу лежали останки прозрачной твари.

Тогда они прошли по набережной совсем немного, в воду зайти никто не рискнул. Кроме Косолапого, но тот всегда был безбашенным.

И везучим. Диггер выбрался из черных волн, набегающих на гранит. Позади него гавань резали плавники; вдалеке, у дамбы, в темной воде билось что-то огромное. То ли кого-то ели, то ли с кем-то совокуплялись. Иван как наяву увидел ослепительно яркую, словно прорезавшую полумесяцем темноту, улыбку Косолапого. Везунчик.

А на обратном пути оказалось, что Косолапый свое везение исчерпал.

Иван смотрел на вытянутое, обтекаемое, как у подводной лодки, тело твари. Сквозь прозрачную кожу виднелись внутренности: зеленоватые жабры, бледно-розовый нервный узел – мозг? – желтоватое сплетение кишок. Волна омерзения нахлынула на Ивана. «Целлофановый пакет с требухой...» Из пластиковой твари тянулись сотни тонких щупальцев. Словно кто-то заварил кипятком большую, очень большую тарелку корейской лапши, а потом выплеснул ее в лужу...

Дядя Евпат рассказывал: в океане на чудовищной глубине, где нет света, живут прозрачные рыбы.

Но за каким чертом в метро занесло эту глубоководную тварь? «Нашли себе Ноев ковчег, сволочи».

Огромные розовые глаза твари смотрели невозмутимо. Ивану показалось, даже с иронией.

Когда на кальмара упал свет карбидки, его словно ошпарили. Все зашевелилось. Щупальца взметнулись вверх и в стороны, ища обидчика.

Тварь лежала в мутной воде, возвышаясь наполовину. Иван подумал: «Черт». И, размахнувшись, швырнул пакет с карбидом. Тот в полете раскрылся, карбид полетел в воду – плюх, пш-ш-ш. Забулькало, зашипело, словно это гигантский бульон. Повалил пар.

Диггер подался назад. Если ацетилена соберется достаточно, даже искры хватит, чтобы все полыхнуло.

Но хватит ли для этого карбида? Иван перекатился в сторону, уклоняясь от щупальца. Сзади продолжал кипеть бульон. «Сейчас? Нет, еще чуть-чуть».

Иван вскочил, держа карбидку в руке. Бросился вперед – перемахнул через щупальце, подхватил каску. Блять! Щупальце рванулось вдогонку. Иван отпрыгнул к колонне, поскользнулся. «Да что ж такое...» Успел выставить колено и устоял. Коленная чашечка выстрелила болью. Из туннеля валил густой ацетиленовый пар-дым.

В следующее мгновение его схватили за плечо.

«М-мать».

Словно мышцы проткнули раскаленным прутом. Иван рванулся, лязгнуло – автомат упал на пол. Диггер едва удержал лампу. Щупальце сократилось и ударило Ивана спиной о колонну. Потом стало неторопливо вжимать его в мрамор.

Иван посмотрел на руку с лампой, потом на щупальце.

– Мои любимые конфеты, – сказал он щупальцу. – Слышишь? Бато-ончики.

Иван отклонился назад, высвободил руку и рывком, падая всем весом вперед, бросил карбидку в пасть туннеля. Н-на!

Щупальце перехватило его поперек груди, сжало.

В голове вспыхнул разряд, черная волна удушья накатила от груди. «Приморская» перед глазами покачнулась. «Врешь, не возьмешь». Звуки отдалились.

В гудящей, пульсирующей тишине Иван смотрел, как летит лампа – красиво, плавно, по пологой дуге. И как она начинает падать туда, на пути. Иван прикрыл глаза. Вот и все.

Вспышка.

В следующее мгновение в лицо Ивана плеснули кипятком.

Когда он открыл глаза, в воздухе висела пелена дыма. В ушах звенело. В груди тупая боль, словно по ней прошлись кувалдой.

Иван опустил взгляд. Оторванное щупальце изгибалось у его ног. «Тьфу ты, зараза живучая».

Он стянул маску с лица, судорожно вдохнул. Вонь Приморской ударила в нос. На языке был привкус горелой резины. Иван поморщился, сплюнул. Ощупал себя. Руки-ноги целы, остальное тоже... Горело лицо, и в висках глухо стучало.

Иван огляделся.

Фонарь на каске еще работает. Иван перешагнул через щупальце; быстро, чтобы не вдохнуть угарного газа, наклонился и вытащил из лужи каску. Нашел автомат. Выпрямился, вдохнул. Надел каску. Открыл затвор «ублюдка», вынул патрон из ствола, слил воду. Считай, автомат нужно чистить заново, а патроны сушить. Хорошо, «калаш» штука неприхотливая. Иван на всякий случай заменил магазин. Передернул затвор и поставил автомат на предохранитель.

Эта лапша с кальмарами стоила ему карбидки. И диод вот-вот сдохнет.

«Быстрее».

Иван заглянул за угол. Опаленный потолок, почерневшие мраморные плитки, выгоревший мох. Вода парит. От прозрачной твари осталось обугленное месиво – еще бы, температура вспышки за тысячу градусов. Ацетиленовой горелкой металл режут. Иван не стал терять время. Быстро прошел по краю платформы. Справа – заржавевшая дверь с надписью «В2-ПША». Вж-ж-жиг – унылый скрип ржавого железа.

«Чисто».

Иван шагнул через порог. Здесь была комната отдыха, потом ее приспособили под комендантскую. В глубине стоял перекошенный от сырости канцелярский стол. На нем – стопа журналов, покрытых плесенью. В другое время Ивана за уши не оттащишь, но не сегодня. Луч фонаря двинулся дальше. Табличка «Место для курения». Дальше! Серые шкафы вдоль стены... стеллаж...

Вот он, ящик – скорее всего, для средств ГО. Обшарпанный зеленый металл. Иван попробовал открыть – не поддается, прижавело; он прикладом сбил защелку, откинул крышку...

Все-таки не ошибся.

Иван опустил руку в ящик и вынул то, что там находилось. Потом долгие десять секунд смотрел на находку, забыв про догорающий диод.

Она была прекрасна.

Глава 2

Подарок

До блокпоста «Василеостровской» осталось всего ничего, метров пятьдесят, когда батареи сдохли окончательно. Шагая в полной темноте, Иван ориентировался на желтый огонек дежурного освещения станции. Сапоги плюхали по воде, шаги отдавались эхом.

Заметили его поздно. Заснули, что ли?

– Стой, кто идет! – И врубили прожектор.

Иван пригнулся, прикрывая глаза локтем. «Сдурели совсем?!» Раскаленный до хруста стекла, прожекторный белый луч вскрывал темноту консервным ножом.

– Свои! – крикнул Иван.

Он затылком почувствовал, как повернулся в его сторону пулемет, закрепленный на сваренном из труб станке, и лязгнул затвор.

Луч уничтожал. Иван прикрывался руками, но безжалостный свет пронизывал тело насквозь. Сквозь одежду, кожу, мышечные волокна, кровяные тельца и кости черепа добирался до глаз. Под веками пылало и горело.

– Зараз стрельну! – крикнули от пулемета. Голос надорванный. Такой «сейчас сорвусь» голос. Ефиминюк дежурит, понял Иван. «Блять».

– Отставить! – спокойно приказал Иван. – Пароль! Слышите? Пароль: свадьба!

Молчание.

В одно мгновение Иван, покрывшийся холодным потом, решил, что Ефиминюк его все-таки пристрелит. Самое время. Просил же, подумал Иван в сердцах, не ставить психов в дозоры. «Людей не хватает, сам понимаешь...» – так, кажется, говорил Постышев? «Неким дыры затыкать».

«Угу. Если меня этот идиот накроет очередью, людей у нас будет хватать капитально. Все дыры закроем – моими окровавленными ошметками». Пулемет НСВ 12.7 миллиметров, такие на армейских блокпостах стояли. Пуля со стальным сердечником любую кость перешибет за милую душу.

– Пароль: свадьба! – крикнул Иван, уже не надеясь, что его услышат.

Молчание.

– А кто идет? – спросили оттуда наконец.

– Жених идет!

Еще заминка. Потом негромкое «клац». Пулемет сняли с боевого взвода.

– Иван, ты, чи шо?

Иван хотел выматериться в голос, но сил уже не было.

– Я.

– Тю! – сказали с блокпоста.

«Вот тебе и тю».

– Выруби свою лампочку, я тут ослепну сейчас!

Вымазанный в грязи с головы до ног, Иван дотопал до блокпоста и оглядел вытянувшегося по струнке Ефиминюка.

– Кто старший дозора? Почему один?

– Та это... – сказал Ефиминюк.

– Кто старший? – повысил голос Иван.

Ефиминюк замялся.

– Сазонов старший. Ты уж звиняй, командир. Та я ж не со зла. А Сазонов, он здесь...

Тильки его позвалы на полминуты.

Так. Сазонов, значит.

– Кто позвал?!

– Та я що, крайний? – удивился Ефиминюк. – Не могу знать.

– Распоясались, – сказал Иван.

Он сдвинул Ефиминюка в сторону, перелез через мешки с песком. Пошел к свету.

«Василеостровская» – станция закрытого типа, на ночь все двери запирались, кроме двух: одна вела на левый путь, другая – на правый. Выставляли дозор и на служебную платформу, которая ближе к «Приморской», но не всегда. Когда в Заливе начинался «сезон цветения» и всякая дрянь лезла из туннеля – только успевай нажимать на спуск.

Сегодня дозор облажался. «Сазон, битый волчара, ты-то как умудрился?» Расслабились. Феномен Бо – на жаргоне диггеров. Когда косяк допускает тот, от кого этого никак не ожидаешь.

«Василеостровская» никогда не относилась к красивым станциям, как, например, «Площадь Восстания», где высокий свод, тяжелые бронзовые светильники, колонны с лепниной и роскошная, «сталинская» отделка зала. «Васька», как называли станцию фамиллярные соседи с «Адмиралтейской», была аскетичной и суровой, готовой выдержать голод, холод, атаку тварей и спермотоксикоз защитников. Чисто питерская станция-крепость.

Иван поднялся на платформу через единственную открытую дверь. Еще на подходе к станции он услышал гул. Это работали фильтры, нагнетавшие воздух с поверхности. «Василеостровская» давно утратила центральное освещение, но системы фильтрации воздуха и откачки грунтовых вод здесь еще работали. Стоило это будь здоров. «Мазуты» с «Техноложки» дорого берут.

А куда деваться?

Зато туннели сухие. И есть чем дышать.

Неяркий свет дежурных лампочек заставил Ивана зажмуриться. Теперь, куда ни посмотри, скакали цветные пятна.

На станции была ночь. Основные светильники, которые питались от дизель-генератора, в это время выключались. Работали лампочки дежурного освещения, запитанные от аккумуляторов, – китайские елочные гирлянды, протянутые над дверными проемами. Ночью станция становилась уютнее. Хорошее время.

Кашель, храп взрослых, сонное дыхание малышни – и красные, синие, желтые мелкие лампочки.

Иван прошел по проходу между палатками. Это была центральная улица «Василеостровской», ее Невский проспект, существовавший только ночью. Днем палатки сворачивали, чтобы освободить место для работы. В южном торце станции, за железной решеткой, возвышались ряды клеток – мясная ферма. Оттуда шел резкий звериный запах.

Иван шел мимо вылинявших, залатанных палаток, слышал дыхание, кашель, хрипы; кто-то бормотал во сне, шумно поворачиваясь на бок. Старая добрая «Василеостровская».

Завтра освободят платформу и поставят столы. Завтра станция будет гулять. И осталось до этого – Иван посмотрел на станционные часы, висевшие над выходом к эскалаторам... Желтые цифры переключились на четыре двадцать три. Всего три часа.

Долго он провозился. Иван шагал, и ему мерещилось, что он проваливается вглубь серого гранитного пола. «Спать хочу».

Но для начала следует сдать снаряжение и умыться.

– Где ты был? – Катя, заведующая снабжением и медчастью «Василеостровской», сузила глаза.

– Хороший вопрос. А что, не видно? – Иван расстегнул «алладин». Костюм химической и радиационной защиты Л-1 штука ценная, дорогая.

– Еще бы не видеть. Весь перепачкался, хуже гнильщика.

Иван бросил «алладин» в металлический бак для санобработки. Стянул и туда же положил изгвазданные резиновые сапоги. Теперь портянки. Иван отшатнулся. Измученные ноги на воздухе блаженно ныли, словно не могли надыхаться. Иван бросил портянки в бак и закрыл крышкой. Все.

– Где тебя носило? – спросила Катя. Невыспавшаяся и раздраженная, она была еще красивее. Иван мысленно поежился. Бешено красивой Катя становилась, когда злилась.

– А ты как думаешь?

Теперь сдать снаряжение под роспись. Часть вещей – личное имущество Ивана, остальное – собственность общины. Он начал стягивать тонкий свитер через голову, охнул. Скривился, застыл от боли. Похоже, все-таки ребра. Катя бросилась на помощь, помогла снять свитер. Женщины, подумал Иван. Вы так предсказуемы...

«Все бы вам котят спасать. Или тигров».

– Ты с кем подрался? – Катя ткнула пальцем ему в грудь, прямо в кровоподтек. «Блин». Иван зашипел сквозь зубы.

– Что, болит? – спросила Катя с плохо скрытым садизмом в голосе.

– Нет.

– А так?

От следующего тычка Иван согнулся, воздух застрял где-то меж лопаток. Он помотал головой.

– Ага, – сказала Катя. – Будем лечить. – Она принесла таз с водой и чистую марлю.

Иван выпрямился, открыл рот. Катя уперла руки в бока:

– Если ты сейчас скажешь это свое идиотское «бато-ончики», я тебе по башке двину... вот этим тазиком, понял?!

Когда с обработкой ран и ссадин было покончено, Катя унесла таз. Потом принесла Ивану воды. Он единым махом осушил стакан, сразу еще один – стало лучше. Пока Иван умывался, Катя достала из мешка чистую смену одежды. Положила на койку, выпрямилась, спросила небрежно:

– Значит, завтра?

– Ты красивая, – сказал Иван, одеваясь. Катя посмотрела на него. – И очень умная. И у нас действительно могло что-то получиться.

– Но не получилось. – Катя выдохнула легко. – Обними меня напоследок, Одиссей.

Иван помедлил, но покачал головой.

– Не могу. Прости.

– Что?

Он отвел темную прядь с ее лица. Улыбнулся одними глазами.

– Я почти женат. Наверное, это глупо, как думаешь? – Он взял ее за подбородок и поднял ей голову. Посмотрел в глаза. – Это глупо?

– Нет, – сказала Катя. – Ты, сукин ты сын... Ты должен в ногах у нее валяться и бога благодарить за нее, придурок чертов! Понял?!

– Да.

Фонарики над входом переключились – таймер сработал. Палатку залило красным светом – словно кровью.

– Ты моя царица Савская. Моя Юдифь.

– Лыстец, – сказала Катя. – Ты хорошо изучил Библию, я смотрю. – Катя отвернулась, начала перебирать инструменты. Взяла эластичный бинт. – Подними руку.

– Я хорошо запоминаю истории про женщин.

Катя улыбнулась против воли. Закончила перематывать ему ребра, закрепила узел. Загремела бачком с инструментами. В палатке установилась странная, напряженная тишина.

– А она? – спросила Катя наконец.

– Что она?

Катя остановилась и посмотрела на него.

– Кто она тебе? По Библии.

– Моя будущая жена, – ответил Иван просто.

Катя то ли всхлипнула, то ли подавилась – Иван толком не понял. Вышла из палатки и вернулась с баночкой. Желтая застывшая мазь.

– Повезло тебе, придурку. Ну-ка, подними голову!

Он послушался. Увидел в Катиных зрачках белый силуэт убегающего в туннель тигра... Моргнул. Показалось. Катя наклонилась и намазала ему лоб вонючей холодной мазью. От ее дыхания было щекотно и смешно.

В следующее мгновение Катини губы оказались совсем близко...

– Иван, смотри, что я добыл! – Пашка ворвался в палатку. Замер.

Иван с Катей отпрянули друг от друга. Пашка прошел между ними, с грохотом поставил бочонок на стол, повернулся. Неловкая пауза. Пашка оглядел обоих и сказал Ивану:

– Что у тебя с рожей?

– Стучать надо вообще-то! – рассердилась Катя, – Павел, блин, Лександрыч.

Иван поднял руку и потрогал лоб. Вроде маской противогаза было закрыто, а поди ж ты.

– Обжегся.

– Че, серьезно? – Пашка смотрел на него странно. – И как это вышло?

Рассказывать целиком долго.

– Карбидка рванула, – сказал Иван чистую правду. – Вот и обожгло.

– Да ну?! – Пашка всплеснул руками. – А-афигеть можно. Ты с ней что, целовался, что ли? С карбидкой?

– Пашка! – прошипела Катя.

– А что Пашка?

Эти двое терпеть друг друга не могли – еще с той поры, как Иван с Катей впервые закрутили роман. Интересно, что когда появилась Таня, Пашка почему-то успокоился...

«К черту».

Иван встал, потрогал эластичный бинт, перетягивающий ребра. Бинт был желтый, старый, не раз стиранный. Общество, бля, вторичного потребления! Так назвал это профессор Водяник?

Иван прошел к зеркалу с выщербленными краями, что стояло в палатке на столе. Оглядел себя. Синяк на груди замечательный. И красная полоса на лбу тоже ничего. Красавец. Как раз для завтрашней церемонии.

Диалог за его спиной перешел в схватку.

– Паша, к твоему сведению, – сказал Пашка язвительно. – С карбидками не целуется. Потому что у него – что?

– Что?

– Диод! Честный диггерский диод. А не какая-нибудь карбидка-потаскушка!

Иван резко повернулся. Катя замерла. Лицо бледное и чудовищно красивое. Медуза Горгона, дубль два.

– Па-ша, – сказал Иван отдельно. – Выйди, пожалуйста.

– Я что...

– Выйди.

Когда Пашка вышел, Иван вернулся к койке. Не стесняясь, быстро сбросил штаны, что надевал под химзу, натянул чистые. Сунул руки в рукава рубашки, застегнул пуговицы. Посмотрел на упрямый затылок Кати, которая опять загремела своими банками-склянками. Красивый затылок, красивая шея.

– Готов? – спросила Катя, не оглядываясь.

– Да, – сказал Иван. Подошел к ней. – Не обижайся на Пашку.

– Не буду. Он прав. Я шлюха.

– Пашка дурак, – сказал Иван. – У него все – или черное, или белое.

– У меня тоже. Дала, не дала, так, что ли?!

Она резко повернулась к Ивану, вздернула подбородок.

– Нет. – Иван поднял руку, дотронулся до Катиной щеки. Почувствовал, что девушка дрожит. – Ты хорошая. Пашка тоже хороший, только дурак.

– Почему я такая невезучая, а? – Она смотрела так, словно действительно ждала, что Иван ответит.

Он вздохнул. «Не умею я утешать».

– Брось, – сказал Иван. – Ну... хватит. Твоя судьба где-то рядом, Пенелопа. Я уверен.

Она хмыкнула сквозь слезы.

– Придурок ты, Одиссей. Бабья погибель. Это я сразу поняла, как только ты на станции появился.

«К черту все!» Иван обнял Катю, притянул к себе. Прижал крепко, чувствуя опустошающую нежность. Это все равно остается – сколько бы времени не прошло.

– Все. Будет. Хорошо.

– Красивый ты, – сказала Катя развязно. – А Таня твоя молодец. Другие все суетились, а она себе королевой. Молодец. Так и надо. Вот ты и попался. – Она вдруг сбросила эту манеру. – Смотри. Будешь Таньке изменять – я тебе сама яйца отрежу. Вот этими самыми ножницами. Понял, Одиссей?

– Понял, – сказал Иван. Держал ее крепко, чувствуя, как уходит из Катиного тела дрожь. Голова кружилась – от усталости, наверно. Красный свет казался чересчур резким.

Все, пора на боковую. Только...

– Знаешь, зачем я ходил... – начал Иван.

В палатку ворвался Пашка. Угрюмо прошествовал к столу, схватил бочонок с пивом, буркнул: «Звиняйте, забыл». И вышел в дверь мимо остолбеневших любовников.

– Ну, пиздец, – сказал Иван, глядя вслед другу.

Катя посмотрела на его растерянное лицо и вдруг начала хохотать.

Он вышел из медчасти, забрав только сумку и автомат. От брезента ощутимо воняло жженой резиной. Иван поморщился. Сейчас бы почистить оружие и спать. В глазах резь, словно сыпанули песка. Тяжесть в голове – чугунная и звенящая, как крышка канализационного люка.

Впрочем, осталось одно дело.

– Пашка! – Иван осекся. Рядом с палаткой уже никого не было.

– ...в некотором роде это ответ на знаменитое высказывание Достоевского: «...широк человек, слишком даже широк, я бы сузил».

Иван остановился, услышав знакомый голос.

Возле искусственной елки, увешанной самодельными игрушками и даже парой настоящих стеклянных шаров, сидела компания полуночников. Гирлянду на елке никогда не выключали – цветные диоды энергии ели минимум, а света для ночной смены вполне хватало. – Вот что получается. Мы сузили свой мир, – говорил пожилой грузный человек с черной растрепанной бородой. – До этого жалкого метро, до живых – пока еще! – станций. А ведь это конец, дорогие мои. Так называемые диггеры или сталкеры – самая опасная профессия...

– После электрика, – подсказали из темноты.

– Совершенно верно, – сказал Водяник. – После электрика.

У профессора бессонница, поэтому Иван не удивился, застав его здесь – у елки было что-то вроде клуба. И надо бы спать, а душа неспокойна. Один выпивает, другой ходит к елке, песни поет и байки слушает. Впрочем, пообщаться с Водяником в любом случае стоило. Ходила

шутка, что, столкнувшись с профессором по пути в туалет, можно ненароком получить среднее техническое образование.

А еще говорили, что анекдот, рассказанный Водяником, тянет на небольшую атомную войну. По разрушительным и необратимым последствиям.

Профессор не умел шутить, хотя почему-то очень любил это делать.

– А как же Саддам, Григорий Михайлович? – спросил кто-то. Про Саддама Великого Иван слышал. Про него все слышали.

Когда случилась Катастрофа и гермозатворы закрылись, люди впали в оцепенение. Как кролики в лучах фар. А потом кролики начали паниковать – выяснилось, что отпереть гермозатворы нельзя, автоматика выставлена на определенный срок. Тридцать дней. То есть Большой Пиздец все-таки настал. Радиации на поверхности столько, что можно жарить курицу-гриль, прогуливаясь с ней подмышкой.

Тут людей и накрыло.

Дядя Евпат рассказывал, что прямо у него на глазах один большой начальник – тот сидел в плаще и шляпе, держа в руках дорогой портфель из коричневой кожи – достал из этого самого портфеля пистолет, сунул в рот и нажал на спуск. Кровь, мозги – в разные стороны. А люди сидят плотно, народу набилось, не сдвинуться. Всех вокруг забрызгало. И люди начали смеяться, – говорил дядя Евпат. – Я такого жуткого смеха в жизни не слышал. Представь, сидит мужик без половины башки, даже упасть ему некуда, а они ржут. Истерика. Вот такая комедия положений...

– Я много смертей повидал, но эту запомнил почему-то. Помню, он спокойный был. Не нервничал, не дергался, только на часы смотрел. Как автомат. Посмотрит на часы, потом туда, где «герма» – и дальше сидит. Я вот все думаю – чего он ждал-то? Что это окажется учебная тревога?

– Если так, он был не единственный. – Евпат вздохнул. – Я тоже надеялся, что это учебная тревога.

Когда прошли тридцать дней, начались депрессия и паника. Так бывает, когда пациенту объявляют смертельный диагноз, и начинается по списку: отрицание, гнев, торг, депрессия и принятие неизбежного конца. Вручную открыли аварийный выход, отправили наверх двух добровольцев. Они не вернулись. Отправили пятерых. Один вернулся, истекая кровью, и доложил: наверху ад. Счетчики зашкаливают. И помер. Поднесли к его телу дозиметр – тот орет как резанный.

– ...хаос начался. И в этот момент появился Саддам, – сказал Водяник. – Великим его в метро прозвали, а до Катастрофы он был то ли сантехником, то ли прорабом на стройке... то ли вообще капитаном запаса – история о том умалчивает. Несомненно другое: бывший капитан быстро взял в свои руки метро – и крепко взял, не шелохнешься... Когда он приказал вновь закрыть «гермы», приказ был выполнен...

Ба-даммм. Ноги подогнулись.

Иван понял, что если не пойдет к себе, то заснет прямо здесь, на голом полу.

– В «Монополию» играть будешь? – услышал Иван за стеной палатки громкий шепот. – Чур, я выбираю!

– Тихо вы, придурки. Фонарь у кого?

В большой палатке для подростков ночь явно была нескучная. Им вроде положено спать без задних ног? Иван покачал головой. «Самый здоровый и крепкий сон у меня был как раз в этом возрасте. А еще я мог двое-трое суток подряд не спать. И быть в форме».

Попробуй сейчас такое. Иван пошел было к южному торцу станции, но вдруг услышал:

– Стоять, гад! Пароль!

Мгновенная оторопь. Иван резко повернулся, вскинул автомат...

– Спокойно, – сказал Пашка, нагло улыбаясь. – Свои.

Бух, сердце. Бух.

– Пашка! – Иван опустил «калаш», выпрямился. От прилива адреналина заболело в груди. – Блять.

– Ну и видок у тебя. – Пашка сидел на полу. Бочонок с пивом стоял рядом – хороший, кстати, бочонок, примечательный. Белый, глиняный, литров на пять. С вылинявшей наклейкой, но еще можно разобрать надпись и рисунок. «Кёльш», прочитал Иван. И где Пашка его раздобыл? Двадцать лет выдержки – для вина и то много, а для пива так вообще.

– Какой?

– Ну, такой... жениховский. – Пашка негромко засмеялся. – А я тебя искал, между прочим. Целый вечер по станции мотался – никто тебя не видел. Сазон тоже.

Иван помолчал.

– Я на «Приморскую» ходил, – сказал наконец.

– Да ну? – Пашка мотнул головой. – Че, серьезно? Ты за подарком мотался, что ли? Во дает. Нашел?!

«Кое-что нашел», подумал Иван.

– Завтра увидишь. Нечего тут.

– Сволочь! – Пашка вскочил. – Я для него... А он! – Вспомнив о Кате, Пашка снова помрачнел. – Да-а. Ты когда определишься, кто тебе нужен?

– Я уже определился, – сказал Иван.

– Я видел, да.

Иван дернул щекой.

– Пашка, давай без этого.

– Понятно, – протянул Пашка. – Эх ты. Будь я на твоём месте, я бы Таню на руках носил... Вот скажи: зачем тебе эта Катка? У тебя все на мази, нет, ты все рвешься испортить. Че, совсем дурак?!

– Что-то, я смотрю, тебя эта тема сильно трогает.

Пашка выпрямился:

– Смотри, обменяешь цинк патронов на банку протухшей тушенки.

– Па-ша.

– Что Паша?! – Друг взорвался. – Думаешь, приятно видеть, как ты себе жизнь корежишь?!

– У нас с Катей ничего нет.

– Точно. Я прямо в упор видел, как у вас там ничего нет!

– Это было... – Иван помедлил. – Прощание. В общем, не бери в голову.

Пашка несколько мгновений смотрел на друга в упор, потом вздохнул.

– Подарок-то покажешь?

Иван усмехнулся. Открыл сумку и вытащил то, зачем ходил на «Приморскую». Пашка осторожно принял находку в руки.

– Ух, ни фиги себе. И не высохло ведь?

– Ага, – сказал Иван. – Как тебе?

Пашка присвистнул:

– А-хуеть. Я тебе серьезно говорю. Это а-хуеть. Держи, а то разобью еще, ты меня знаешь.

На ладони Ивана оказался стеклянный шарик. Выпуклый стеклянный мир, наполненный прозрачным глицерином. На заснеженной поляне стоял домик с красной крышей, с трубой, вокруг дома возвышались елочки. Все это окружал крошечный деревянный забор. Иван потряс игрушку. Бульк. И в шаре пошел самый настоящий, белый, пушистый снег.

Снежинки медленно падали на красную крышу, на елки, на белую равнину вокруг. Красота.

– Думаешь, ей понравится? – Иван посмотрел на Пашку.

– Что? – Пашка вздрогнул, оторвал взгляд от шарика. – Дурак ты, дружище, ты уж извини. Это а-хуенный подарок.

Решетка с надписью «Василеостровская» отделяла жилую часть платформы от хозяйственной. Анодированный металл тускло блестел. Иван толкнул дверь, кивнул охраннику, долговязому парню лет шестнадцати:

– Как дела, Миш?

– Отлично, командир. – На поясе у Кузнецова была потертая кобура с Макаровым. Фамильное оружие – Мишин отец служил в линейном отделе милиции. – Да ты проходи.

Вообще-то Кузнецову он был никакой не «командир». Парнишка – из станционной дружины, а Иван командует разведчиками... Менты – это каста. Как и Ивановы диггеры.

Но поправлять парня Иван не стал. У каждого своя мечта.

– Таня здесь?

– Не знаю, командир, – смутился Кузнецов. – Я только заступил...

Иван кивнул.

Мясная ферма.

Ряды клеток уходили под потолок станции. Деревянные и металлические коробки, затянутые ржавой сеткой-рабицей. В воздухе стоял душный запах грызунов, несвежих опилок и старого дерьма. Иван прошел между рядами, оглядываясь и приветствуя знакомых заключенных. В постоянном хрупании, шебуршении, посвистывании и чавканьи было что-то стихийное. Мы жрем, а жизнь идет. «Не представляю, как это – быть морской свинкой, – подумал Иван. – Живут в тесноте, едят и гадят. Мрак».

Из отдельной клетки, сделанной из пластиковой коробки с красной надписью «Quartz grill», на Ивана смотрел откормленный, пятнисто-белый морской свин. Иван достал припасенный пучок водорослей и сунул в ячейку решетки.

– Привет, Борис. Как сам?

Свин перестал хрупать и посмотрел на Ивана. Бля, еще ты на мою голову, читалось в маленьких выпуклых глазах. Свин был однолюб и пофигист.

Свин любил Таню и пофигистически жрал все, что принесут остальные.

Типичный представитель мужского рода.

– Таня, – позвал Иван. – Ты здесь?

Голос тонул в шебуршении морских свинок. Иван прошел между рядами, вышел к рабочей выгородке. Здесь стоял стол, тут Таня заполняла планы и графики, вносила в учетную книгу привесы и надои – или как они называются? Рядом составлены мешки с кормом: высушенная трава, водоросли, обрезки ботвы, объедки и прочее, что лихие грызуны могли взять на зуб. А могли они многое.

Дальше, за фанерной стенкой начиналась Фазенда, всегда залитая светом газоразрядных ламп – теплицы, сельское хозяйство «Василеостровской». Там стоял влажный, земляной запах и вились мошки, вечные спутники земледелия. За стенкой начиналась владения Трандычи: росли морковь, капуста, картошка, лук, щавель и даже салат-латук. И конечно, лимонное дерево – предмет зависти соседей с «Адмиралтейской».

Пищевые ресурсы.

Очень удобно – отходы грызунов на удобрения, отходы растений и сами растения – морсвинам на прокорм.

А морсвинов понятно куда – на сковородку и в котел.

Раньше пробовали приспособить туннели для расширения Фазенды, но не смогли справиться с крысами – пищевые, бля, террористы. Даже железо грызут. Да и с электричеством оказалась проблема – ресурс генератора не тот.

В вентиляционном туннеле сейчас выращивали грибы. Они темноту любят. Грибные плантации рядами нависали в темноте – жутковатое место, если честно. Вешенки, шампиньоны, даже японский гриб шиитаке. Вкусные, конечно, но Ивану там было не по себе.

– Только представь – грибница, – говорил дядя Евпат. – Это же готовый коллективный разум. Она может на много сотен метров простираться, связывать тысячи и тысячи грибов в единое целое. И знаешь, что самое жуткое?

– Что?

– Мы ни хрена не знаем, о чем они думают.

«Старею, – подумал Иван. – Отличное время я выбрал, чтобы остепениться». Завести семью. Хорошая жена, хорошая станция, хорошая работа – Постышев прочит его в стационарные полковники, если не врут. Что еще нужно человеку, чтобы достойно встретить старость?

Н-да.

– Таня, ты где? – Иван вышел в тамбур между фермой и Фазендой.

На длинном столе стояли древние весы. Металлические тарелки блестели от вытертости, чугунные гирьки выстроились в ряд. Здесь Таня и ее напарница взвешивали морских свинок, вели учет. На стуле мирно дремала полная женщина, седые волосы связаны в пучок. На скрип дерева она вздрогнула, обернулась...

– Иван! Фу ты, чуть сердце не выскочило!

– Марь-Сергевна. Простите, что разбудил. А где Таня?

Марь-Сергевна держала руку на груди, точно боялась, что сердце вырвется и убежит.

– Не знаю, Вань. – Марь-Сергевна покачала головой. – О-хо-хо... В палатке, этой... Где дом невесты, наверное. Ты только туда не ходи. – Марь-Сергевна вдруг засуетилась. – Видеть невесту в свадебном платье – к несчастью.

– Не пойду, – сказал Иван.

– Она спит уже, наверное. Ты-то чего не спишь? Да, – вспомнила она. – Друг твой заходил... высокий такой, красавчик...

– Ага, – сказал Иван. «Сазонов?» – Я слышал. Ладно, пойду.

– Иди, а то бледный совсем. Стой! – Марь-Сергевна прищурилась. – Что у тебя с лицом?..

* * *

Иван еще раз прошелся, но Таню не встретил. Неужели действительно спит? Делать нечего, вернулся в свою палатку. Снял с плеча автомат, убрал сумку в изголовье лежака. Так, время – на наручных часах полчетвертого утра. Спать хотелось невероятно. Но сначала – оружие. Иван чуть не застонал. За оружием положено следить, даже если это безотказный советский «калаш». Это как чистка зубов. То есть зубы потерял – живешь дальше, а без оружия ты покойник.

Так, масло. Тряпки. Шомпол. Поехали!

Он заканчивал фактически в бреду. Иногда просыпался и не мог сообразить – что делает. Запахивая неизвестно зачем шомполом тряпку в дуло, Иван понял, что это финиш. Аккуратно разложил детали на тумбочке: утром, все утром – и упал, не раздеваясь. Зарылся лицом в подушку. Кайф. Спать-спать-спать. Перевернулся на спину и...

На него смотрела Таня. Иван улыбнулся. Отличный сон. Вот теперь действительно все хорошо.

– Ты где лоб обжег, оболтус? – спросила она.

– Ерунда, до свадьбы заживет, – ответил Иван. И только потом понял.

– А, – сказал он. – Смешно вышло.

– Вот-вот, до свадьбы, – сказала Таня. – Ты еще не забыл? Нет? Странно. Кстати. – Она мгновенно переключилась. – Ты уже померил костюм?

«Блин, точно». Иван даже проснулся на мгновение.

– Конечно, – соврал он быстро.

Про костюм он умудрился забыть. Ладно, утром успею, решил Иван. Поставлю будильник на пораньше. Поспать хотя бы два часа, иначе вообще смерть.

А завтра целый день гулять. Церемония.

«Вот бы проснуться, а все уже кончилось. Терпеть не могу эти ритуалы. Одно дело – гулять на чужой свадьбе, совсем другое – на своей. Это почище вылазки на поверхность».

– Ты спала сегодня? – спросил Иван.

– Конечно. – Сама безмятежность.

– Угу. Врунишка.

– Мне пора идти, еще кучу дел надо переделать...

– Вот-вот, – сказал Иван. – Иди к своему Борису.

– Он хороший! – сказала Таня. – Почему ты его не любишь?

«У всех свои недостатки, – подумал Иван. – Я сжигаю карбидом тварей и целую бывших, Таня балует раскормленного грызуна».

– У нас с ним вооруженный нейтралитет. Мы тебя друг к дружке ревнуем.

– Ваня, он кормовое животное!

– Нас жрут, а жизнь идет, – согласился Иван, закинув руки за голову. Черта с два она позволит съесть своего любимчика. От усталости голова кружилась. И палатка тоже кружилась. Но приятно.

– Я с тобой посижу минутку, – сказала Таня. Присела на край койки, коснулась теплым бедром.

– Ладно, посиди минутку, – согласился Иван милостиво. Не открывая глаз, вытянул руку и положил Тане между ног. Тепло и уютно. Впервые за долгое время к нему вернулось спокойствие. «Я там, где и должен находиться», – подумал Иван. Зевнул так, что испугал бы крокодила. – Я не против.

– Нахал!

– Я тигра видел, – сказал Иван сквозь сон. Хотел еще что-то добавить, но уже не мог, плыл через призрачные слои, проваливался сквозь подушку и пол вниз, и в сторону, и опять вниз. И это было правильно.

– Спи, – велела Таня. – Завтра трудный день...

Иван открывает глаза. В палатке темно. Он встает – на нем почему-то камуфляж и ботинки. Иван выходит из палатки и останавливается. «Где я?»

Платформа с рядами витых черных колонн. На стенах барельефы. Название станции на букву «А», но Иван никак не может его прочитать. Но главное он понимает.

Станция – другая, не «Василеостровская». И здесь никого нет. Совсем никого. Пусто.

Иван идет вперед.

У платформы стоит состав.

В одном из вагонов горит свет. Иван подходит. Стекла выбиты, ржавые рейки обрамляют оконные проемы. По некоторым признакам можно угадать прежний цвет вагона – он синий. Сиденья раньше были обтянуты коричневой искусственной кожей. По закопченным стенам вагона пляшут отсветы – здесь сквозняки. Ветер, пришедший из туннелей, продувает вагон насквозь, перебирает редкие волосы на высохшем лбу мумии. Карстовые провалы глазниц. Древний пергамент, обтягивающий костяк. Бриллиантовая сережка в ухе – напоминает о прошлом.

На коленях у большой мумии – маленькая. Свернулась клубочком, кисти скрючены. Когда человек умирает, сухожилия высыхают и укорачиваются. Поэтому у большой мумии и у

маленькой мумии – одинаково вывернутые кисти. Словно они плывут по-собачьи. Еще у них одинаковые натянутые улыбки. Это тоже сухожилия. И смерть.

Большая мумия держит на острых коленях спящую маленькую.

В руке у большой мумии – зажженная свеча. Пламя подергивается от сквозняка. Пальцы в потеках парафина.

Вокруг первой мумии – десятки таких же. Все сиденья заняты.

Рядом с каждой большой – по одной, иногда двум маленьким.

У каждой из больших мумий в руке – по свече. Пахнет тлением и горелым парафином.

Вагон горящих свечей.

Иван заходит внутрь и останавливается.

Вагон материнской любви.

Говорят, по инструкции о бомбоубежищах женщин с детьми до двенадцати лет запускали заранее, еще до объявления сигнала «Атомная тревога». Они имели право оставаться на самой станции или в поезде, стоящем у платформы. И они остались. Все. У Ивана комок в горле. Потом он видит то, чего не замечал раньше. Сквозь кожу мумий кое-где пробиваются серо-голубые побеги. Это похоже на проросшую картошку. Иван протягивает руку...

– Не трогай, – говорит голос.

Иван поворачивает голову. Перед ним стоит высокий седой старик, его мерцают зеленоватым огнем, как у давешнего тигра.

– Другая экосистема, – говорит старик. Смотрит на Ивана; глаза начинают оплывать, точно свечи, стекают по щекам парафиновыми дорожками. – Понимаешь? По... – Лицо старика вздрагивает и проваливается внутрь...

– Меркулов!

Его трясло за плечо. Иван открыл глаза, чувствуя невероятный, чудовищный испуг.

– Проспал?! – Он вскинулся. В голове застрял мокрый тяжелый кирпич. По ощущениям, он вообще дремал не больше минуты. – Где? Что случилось? Свадьба?! Что?!

Резкость не возвращалась. Иван видел над собой только размытый темный силуэт – и не мог сообразить, где находится. Сердце билось болезненно и часто.

– Меркулов, к коменданту! – сказал темный. – Срочно!

«Василеостровская» освещена дежурными лампочками. Деревянно шагая вслед за посыльным, Иван пытался понять, сколько сейчас времени. Долго он спал? Все еще ночь? Как на многих станциях, на «Василеостровской» искусственно поддерживали деление суток на день-ночь. Если сейчас утро, почему не работают лампы? Иван поморгал, пытаясь избавиться от тумана в глазах. Черта с два. Так плохо ему давно не было.

В каморке, отведенной коменданту и его семье, горела карбидная – в полсвечи – лампа, освещающая крупные ладони коменданта, лежащие на деревянном столе.

– Не сидится тебе на одном месте, – сказал Постышев.

– Да.

– Я тебя просил – одному не ходить? Просил?

Иван кивнул.

– И что? – Постышев смотрел на него исподлобья умными и пронзительными, как рев пожарной сирены, глазами и ждал ответа. Голова у него была крупная, с редким светлым волосом.

– А я пошел, – сказал Иван хрипло.

– Зачем хоть? Что я твоей Тане скажу, если что с тобой случится? А?

Иван дернул щекой, но промолчал. Смотрел прямо, не мигая.

– Зачем ходил, не скажешь?

– Это приказ?

– Черт с тобой, – сказал Постышев. – Не хочешь, не отвечай. Ты человек взрослый, командир, жених и все такое. Ты хоть в курсе, что пока ты там развлекался, у нас ЧП приключилось?

– Да. Света нет.

– Света? – Постышев присвистнул. Встал. – Пойдем. Я тебе покажу, чего у нас теперь нет.

Глава 3 Война

Как это случилось, Иван не помнил. Из расколотых, выбитых ударом ноги, как стекла в заброшенном составе, детских воспоминаний единое целое не выстраивалось. Зоопарк, помнил Иван. Он закрывал глаза и видел выжженное, как на старой фотографии, светлое небо, черные контуры листьев, наклонные росчерки чугунной решетки. Кажется, было лето и солнце. Будка с надписью «Сахарная вата» – от нее идет сладкий горячий запах. Кажется, он тогда уже умел читать... Впрочем, может, и нет. Иван не помнил. Зато помнил, как беззвучно то ли идет, то ли бежит. Если опустить голову – мелькают ноги в сандалиях. Если поднять, все сверкает, поет, щебечет и все огромное – такое огромное, что не обхватить руками. А потом он видит женщину. Почему-то это воспоминание самое отчетливое.

Мама.

И снова бег. Асфальт, растрескавшийся, по нему змеятся черные тени. Маленький Иван бежит к маме. На ней длинная темная юбка, белая блузка... или платье? Она протягивает руки, нагибается, чтобы поймать его в объятия. А он бежит, раскинув руки, и земля начинает крениться.

И никак не добежать по этой наклонной, переломанной земле до мамы.

Мир продолжает заваливаться набок, и на ступени за маминой спиной, на здание с веселым бегемотом на стене и на решетку, на низкое строение кафе напозаает гигантская тень. Наступает, поглощая все. Иван бежит, бежит из последних сил – потому что если успеть и добежать до маминых рук, ничего страшного не случится.

Ничего не случится.

А земля продолжает крениться. Вой сирены разматывается жесткой витой пружиной, взлетает в небо. «Атомная тревога!», – свинцовым басом грохочет громкоговоритель. «Всем спуститься в бомбоубежище. Станции метро открыты только на вход. Повторяю... только на вход». От этой разматывающейся пружины лица корежит, сминает, как фольгу. Они бегут с мамой в потоке таких же людей со смятыми лицами.

«Тринадцать минут до закрытия гермодверей» – говорит голос.

«Двенадцать минут...»

– Пойдем, я тебе покажу, чего у нас теперь нет. – Постышев встает.

Дизельная – отдельная комната, с выводом выхлопных газов наружу через систему труб. У дверей стояли двое: один с «калашом», другой с самодельным дробовиком. Иван опять пожалел, что не купил двустволку. Сделал бы обрез в конце-то концов...

Самое интересное, что личные «вольны» были только у Ивановых бойцов и у стационарной дружины, остальное оружие хранилось под замком у коменданта.

А тут – сразу два человека с оружием, причем те, кому в обычное время его и видеть не положено.

– Где Сазонов? – спросил Иван у коменданта.

– Ушел в погоню...

– В погоню?!

Иван помотал головой. От недосыпа стучали зубы и колени подрагивали. Иван едва сдерживался, чтобы не прислониться к стене для лучшей опоры. Или лечь на пол и закрыть глаза. Вокруг все было искаженное, подергивающееся, в призрачной обостренной дымке, когда слабый свет кажется слишком ярким, а цвета – кричащими. «Много от меня сейчас толку, – поморщился Иван. – Погоди, не о том думаешь».

– Что за погоня? – повторил он.

Постышев дернул головой и шагнул в дизельную мимо охранников.

Иван – за ним.

– Видишь теперь? – сказал Постышев, не оборачиваясь. Иван уперся взглядом в широкую, усталую спину коменданта – надо же, а пиджак у него совсем прохудился, куда жена смотрит. Потом огляделся. Они были в комнате, выкрашенной некогда в отвратительно зеленый цвет, как обычно красят служебные помещения. Потолок, изначально белый, сейчас желтовато-серый от старости, в черных полосах копоти. Металлические и пластиковые баки с солярой у стены.

Из потолка выходила закопченная труба, через несколько загибов спускающаяся вниз, к дизель-генератору. Через нее выпускали выхлопные газы. Еще одна труба – для забора воздуха с поверхности.

Неопрятные связки кабелей. Распределительный щит распахнут, пучки проводов в изолянте торчат, будто волосы из носа.

На стене самодельная надпись «Место для курения», на фанерной табличке зачеркнуто и дописано рукой Постышева: «Поймаю, убью!» На полу стояла банка с окурками. Иван пригляделся: трупов рядом с банкой не обнаружилось.

Пока никого не поймал, видимо.

Дальше Иван увидел стол с конторкой, на нем зеленую толстенную папку технических инструкций на все случаи жизни; рядом стул.

Второй стул почему-то лежал на полу.

Постышев сдвинулся с линии Иванова взгляда, подошел к стулу. Поднял его и сел.

За минуту до этого Иван думал, что просто широкая спина коменданта заслоняет все. «М-мать. Как быстро исчезают иллюзии». Иван повернулся к Постышеву.

– Ну? – спросил комендант.

– В какую сторону они ушли? Сазонов с ребятами? Давно? – Если Сазонов преследует похитителей, стоит ему помочь. – Стоп! Надо позвонить на «Адмиралтейскую»... Пусть перекроют туннели.

– Звонил уже, – сказал Постышев, почесал подбородок, посмотрел на Ивана. Комендант постарел лет на двадцать сразу. Постышев с усилием усмехнулся: – Связи нет.

– Ни с кем?

– Ни с кем.

Плохо дело. Только сейчас, глядя на остатки креплений дизеля, Иван начал осознавать, насколько все хуево.

– Блять, – сказал он. – И зачем этим уродам понадобился наш генератор?

* * *

Не бывает немотивированных решений.

Бывают скрытые желания, которые наконец себя проявили.

– Куда дальше, командир? – Егор Гладышев смотрел вопросительно. Ищуше. Конечно, пока не так, как на Ивана – Иван, Иванядзе, Фигадзе – но уже видны первые ростки святой веры в старшего, знающего все и вся, которые позже дадут обильные всходы. Сазонов выдержал паузу. Этому он тоже научился у Ивана.

Дай подчиненному увидеть, как ты принимаешь решения.

Дай ему осознать, насколько это непросто.

Пусть он проследит весь путь мысли на твоём лице и поймет, что сам на это не способен...

Потому что это правда.

Большинство людей не могут принимать самостоятельные решения, они боятся первобытной силы, заложенной в «делаю, как считаю нужным». Хочу и делаю. Люди боятся ошибки,

опасаются сделать хуже, чем уже есть. Это слабость, инфантилизм. Того хуже – глупость! Способность принимать решения и потери, с ними связанные, формировать, лепить мир под себя – качества лидера.

– В левый, – сказал Сазонов.

Сначала нужно придумать, очертить, фактически вылепить, как из глины, голыми руками – человека, которым ты хочешь стать. А потом настоящего себя, из плоти и крови, втиснуть в задуманный образ. Где надо – подрезать, где надо – подложить вату. Очень просто. Это называется не самовоспитание – нет, к монтажерам красоты! Это называется – намечтать себя. Хочешь, чтобы люди воспринимали тебя как сильного человека – веди себя как сильный человек.

Не притворяйся.

Люди прекрасно чувствуют фальшь, но если намечтать себя сильного, никто не заметит подмены.

– В левый, – повторил Сазонов.

– А если они поперлись по другому туннелю? – Гладыш почесал затылок под каской. – Че тогда?

– Тогда мы лажанулись, – ответил Сазонов. «Чертов засранец, вечно бы ему спорить».

– Ага, – сказал Гладыш. Потом до диггера дошло. Открылся рот, некрасивый, с гнилыми пеньками. – И... че делать?

– Желаете выбрать самостоятельно? – вкрадчиво спросил Сазонов. Этот прием он позаимствовал не у Ивана, а у главы службы безопасности «Адмиралтейской» – Якова Орлова. Прощая встреча была... скажем так, запоминающейся. – Почему нет? Выбирай.

Гладыш закрыл рот. Буркнул что-то, потом с надеждой посмотрел на Сазонова:

– Левый, значит?

Сазонов пожал плечами.

– А я разве не так сказал?

– Понял. – Гладыш кивнул. Шумно отхаркнулся, вытер небритую рожу рукавом и пошел вперед, в темноту, рассекая лучом фонаря сумрак туннеля.

* * *

Иван прислонился лбом к перегородке. Прикрыл глаза. Ощущение надвигающейся катастрофы – гигантской, клацающей, в холодном полированном металле – стало сильнее. Он почти слышал гул и скрежет ее безжалостных механизмов. Не о том думаешь, одернул себя Иван, думай о другом. Думай – велел он себе. Как и кто это сделал.

И, для начала – зачем?

Украла самое ценное, что было на «Василеостровской». Украли ее сокровище. Дизель-генератор освещал станцию днем, заряжал аккумуляторы на ночь... И сейчас – на остатках батарей – дежурное освещение пока горит. И будет гореть, чтобы не вызывать панику.

Но паника все равно начнется. Шила в мешке не утаишь. Свидетелями последней агонии «Василеостровской» станут умирающие от недостатка света морковь, капуста и люди. Считай, половина рациона накрылась – а это почти все витамины. Цинга. Голод.

Катастрофа.

Теперь понятно, куда исчез Сазонов. Вернее, непонятно. Где он теперь? Если погоня была удачной, то где дизель?

Надо автомат собрать, вспомнил Иван нехстати.

Вокруг диггера кипела работа. Люди входили и выходили, изображая бурную деятельность.

– Смотрите! – сказали сзади.

– Что там? Что?!

В дизельную набились станционные менты. Каста, бля. Развели суету сует... «Проколы системы охраны!» «Черт! Надо же!» Голоса сливались в невнятный тревожный гул. Иван встал у стены, слегка отставив локоть, чтобы не задеть поврежденные ребра. В боку медленно пульсировала боль.

Конечно, это не его дело. Люди Ивана – это разведчики и диггеры, ориентированные на заброску в зону врага, будь то чужая станция или разрушенный город наверху – им порядок наводить не с руки. И выяснять, кто прокололся с охраной дизельной – не их забота.

– Смотрите! – повторили сзади. Иван, все еще погруженный в свои думы, обернулся. В углу комнаты стоял мент. Заметив, что Иван смотрит, он присел на корточки и откинул брезент. На полу был рисунок. Иван встал и прошел через комнату. Увидел рисунок и задумался.

– Командир! – окликнули его.

Иван кивнул, глядя на знак. – У вас тоже народное творчество? – спросил он.

– Как? – Кузнецов опешил. – Н-нет. У нас вообще-то человека убили.

Иван медленно повернулся, посмотрел на Кузнецова:

– Шутишь?

* * *

Человек лежал на голом полу, безвольно откинув голову. На лице застыло знакомое Ивану выражение «я що, крайний?». В виске Ефиминюка было аккуратное точечное отверстие. Один-единственный поток крови...

– Пришли сменить, а тут такое. – Дружинник махнул рукой. – Эх, люди...

Иван присел рядом с телом. Из виска Ефиминюка торчала едва заметная металлическая полоска.

– Чем это его?

– Спицей, – сказал Иван. – Удар с близкого расстояния, сильный, причем он удара явно не ожидал. Свой?

– Да кто его знает, кто у него свой! – в сердцах ответил Солоха, диггер из Ивановой команды, он сегодня был дежурным по станции. – У него ж вечно все было не как у людей. Я вот не врублюсь, чего они пулемет не взяли?

Иван пожал плечами.

– А смысл? Его тащить себе дороже.

– Ну дизель же они тащили.

– Верно.

«Кто тебя убил?» – мысленно спросил Иван у мертвеца. Думай, Иван.

Выходит, похитители шли фактически по пятам за Иваном. После того как он прошел блокпост и шарахался полночи по платформе, они убили Ефиминюка и прошли в дизельную. Так? Значит, через оборотный туннель. Или спустились через ВШ? Ну, это вряд ли. Там лестницы давно сгнили...

Забрали дизель и пошли дальше. А куда им идти? К «Адмиралтейской», больше некуда.

Иван выпрямился.

«Где Сазонов, черт, когда он нужен?!»

Солоха наклонился и откинул полу куртки... та-ак. Иван моргнул.

На груди мертвого, на грязной майке был знакомый красный знак. Интересные пироги с котятами. Выходит, чтобы выдернуть спицу, времени не нашлось, а знаки рисовать – так запросто?

Интересное кино.

Грубо намалеванная звезда в круге. Что это значит?

– Издевательство какое-то, – сказал Солоха.

* * *

Постышев ворвался чуть ли не бегом – и сразу к трупу.

– Коммунисты, что ли? С Купчино? Которые туннель роют?

Иван покачал головой:

– Непохоже. Смотри, звезда неправильная – она нарисована как пентаграмма скорее. Вписана в круг. И вот эти знаки – видишь? Думаю, надо позвать Водяника.

– Ладно, – сказал Постышев. – Спросим у профессора.

Водяник долго разглядывал звезду, потом предложил зевакам удалиться из комнаты к чертовой матери. Постышев поднял брови. Но увидев что-то в глазах профессора, кивнул. Комендант по-медвежьи, тяжело поднялся. Посторонние уходить не желали, так что Постышев, немного поорав, выгнал любопытных. – Так что, Проф? – Комендант повернулся к Водянику. – Что эта звезда означает? Ради чего я тут народ матом крою?

Иван достал из кармана зажигалку. Курить он так и не научился, а вот в заброске зажигалка незаменимая штука. Эту соорудили из автоматной гильзы местные умельцы. Хорошая вещь.

Иван щелкнул зажигалкой. Посмотрел на пламя.

– Вы слышали о Навуходоносоре? – спросил Водяник.

Иван кивнул, не отрывая взгляд от язычка пламени. Библия как один из столпов культурного наследия человечества, уничтоженного в день Катастрофы, была одной из главных книг для обучения. Здесь, на «Василеостровской». Там, откуда Иван пришел, Библии не было, а учили по старому школьному учебнику. Он уже здесь догонял. Политическая система «Василеостровской» требовала вживания в нее, принятия ее ритуалов и принципов. Здесь детей учили по определенной программе, единой для всех. Дальше шло кастовое деление. «На самом деле у нас просвещенный феодализм, – язвил Водяник, – с легким налетом анархии». Другому бы за такие слова дали по шее. Профессору было можно.

Кастовое деление плюс избранный народом феодал. Наследственная передача обязанностей. В средневековой Японии сын актера становился актером, наследуя даже не профессию, рассказывал Водяник, но саму роль. Мы все играем свои роли – фермер, мент, диггер. И спектакль под названием «Василеостровская» продолжается...

– И что? – Взгляд «феодала» Постышева потяжелел тонн на десять. Опасный свинцовый блеск.

– Навуходоносор, царь Вавилонский, уничтожил город Израилев. Теперь дальше. Валтасар тоже, как ни странно, царь Вавилонский. Огненная надпись, что появилась на стене, когда царь пировал, празднуя победу, гласила – до конца его царствования осталось немного. Мене, мене, текел, упарсин... Измерен, взвешен, найден негодным.

Постышев терпеливо слушал, но видно было, ничего не понимает. В нем прямо стучало желание: быстрее, быстрее. Ну же, к сути!

Время дорого.

– И что? – не выдержал Иван.

– Терпение, Ваня! – Профессор взмахнул рукой. – Сейчас я все объясню.

– Дизель означал наш золотой век. Боюсь, сегодня он закончился. А вот этот знак на полу – зашифрованное послание.

– Царь Навуходоносор славен тем, что разрушил иудейское царство – тем самым объяснив евреям, что, мол, не той дорогой идете, товарищи. Валтасар – тут понятно. В обоих случаях фигурирует Послание от Бога. Это нечто религиозное, – сказал Профессор. – Похититель

нашего генератора изучал Ветхий Завет и явно считает, что выполняет священную миссию. Что ж... – Профессор помедлил, почесал бороду. – Предупреждение нами получено. Что дальше?

– Так мы что теперь, евреи? – спросил Иван. Почему-то сейчас это показалось ему смешным.

– Ваня!

– Молчу, молчу.

– Другими словами, – подвел итог Постышев. – Мы имеем дело... с кем?

– Это не коммунисты, – сказал Водяник.

* * *

– Может, японцы остались в живых. Если Японию не смыло цунами, – сказал адмиралец. – У них метро покруче нашего будет. Только не знаю, рассчитано ли оно на ядерную войну. В Токио, например, метро просто огромное, куда там питерскому. Станций двести или триста, представляете? Может, до сих пор узкоглазые под землей живут. Техника у них была ого-го, куда там Техноложке. – Адмиралец помедлил. – А может, давно утонули. У них в Японии с этим запросто...

– Как и у нас. – Сазонов улыбнулся. Почему бы и нет, люди любят, когда им улыбаются.

Над блокпостом «Адмиралтейской» нависала чернильная сырая темень, разрезаемая лучами двух фонарей-миллионников. Богатая станция «Адмиралтейская», может себе позволить. Адмиралыцы вообще в последнее время поднялись, куда там «Ваське». Вроде бы в одном Альянсе состоим, а гляди ж ты...

Карбидка горела ровным желтым светом. Совсем не хотелось опять вставать и топтать в сырую темноту туннеля. Век бы так сидел и слушал байки про токийское метро. И смотрел на воду. Туннель опускался здесь по углом сорок тысячных вниз, затем надламывался и шел практически горизонтально – до «Адмиралтейской» и чуть дальше ровный участок – потом опять уходил вверх. Сто пятнадцать метров, самая глубокая станция в мире. Третью пути до нее нужно добираться вплавь – на лодках. Блокпост перед «Адмиралтейской» служил заодно и речным портом.

Параллельный туннель примерно такой же, как этот, но перекрыт гермой. В прошлый раз договаривались его открыть, но так и не договорились. Бывает. Главное, непонятно, чего они боятся. Что «Василеостровская» начнет контрабандой поставлять мясо морских свинок в ресторанчики «Гостиного двора» и «Садовой-Сенной»? Хмм. Сазонов усмехнулся. В принципе, неплохая идея – Альянс Альянсом, но пошлину за свинину адмиралыцы дерут неслабую...

Только «Адмиралтейскую» все равно не обойдешь.

– Значит, никого не видели? – уточнил он. Старший дозора покачал головой.

Не видели. Не знаем. Точно не было.

– Извините, мужики, – сказал старший из адмиралыцев. Почесал затылок, поставил закопченный чайник на спиртовку. – Сейчас чай будем пить.

Пижоны.

А вот снаряжение адмиралыцев радовало глаз и заставляло бледнеть от зависти – добротные камуфляжи и разгрузки, отличные ботинки. И самое главное – оружие. У старшего дозора был «кольт-питон», вороненый, с длинным стволом. Рукоять из черной резины по форме пальцев.

У одного из бойцов «костыль» – АК-103 со складным прикладом, у другого «Сайга», у третьего английская болтовая винтовка. Хорошее снаряжение – все заводское, почти новое, а ведь простые бойцы. Или не простые? На «Василеостровской» даже дигтеры снаряжены гораздо хуже. А на «Адмиралтейской» это в порядке вещей...

Сазонов поморщился. Завидовать глупо. Особенно чужому богатству. Он никогда не завидовал вещам – кроме, пожалуй, оружия, или чужому достатку. Никогда и никому. Обойдетесь. А адмиралец с «питоном»... Сазонов усмехнулся. Вот встанем на двадцать шагов и пусть попробует выстоять против моего старенького «нагана».

«Никогда и никому я не завидовал», – подумал Сазонов с каким-то жестоким чувством. – «Слышите?»

– Можно? – спросил он старшего адмиральца.

Тот подумал и кивнул.

– Чудесная машинка. – Сазонов вытянул руку с «питоном», прицелился в темноту. – Отличная просто. Триста пятьдесят семь магнум?

«Никому. Разве что Ивану – его девки любят. Иван, Иванядзе, Фигадзе.

И еще одному человеку...»

– Как там ваш генерал? – спросил Сазонов небрежно. – Все воюет?

Адмиралтейский странно покосился на него.

– Мемов-то? А что тебе наш Мемов?

– Да все хочу спросить. Вот вы живете на «Адмиралтейской» – а главный у вас почему-то генерал.

– А тебе какая разница?

– Да странно просто.

В тот же момент Гладышев шумно высморкался. Прочистил горло, смачно сплюнул под ноги, посмотрел на всех выпуклым черным глазом. Другой глаз прищурен. Красавчик, елки. Морда кирпича просит – и не одного. Адмиралтейские замолчали.

– Че? – Гладышев повел плечом. – Не нравлюсь?

– Да как-то не особо, – сказал адмиралец с «костылем».

– Ну простите! Не целоваться пришел.

Впервые в жизни Сазонов был благодарен хамским манерам Гладыша. Какое совпадение, этот недоумок ему помогает. Пусть и нечаянно...

– Спокойно, мужики. – Сазонов неторопливо поднялся. – Без обид. Он сейчас извинится. Гладыш?

– Ась?

Адмиральцы переглянулись. Старший блокпоста протянул руку за своим револьвером...

– И вот еще что, – медленно произнес Сазонов, держа в руках чужой «кольт-питон». – Как раз хотел спросить...

* * *

– Это не коммунисты, – сказал Водяник.

– Это не коммунисты, – произнес другой голос. Но тоже очень знакомый. – Это бордюры-щики.

Иван резко повернулся. На входе в служебку стоял высокий плечистый человек, лицо благородное, чистое, тонкий нос, льдисто-серые глаза. Длинный плащ на нем был грязный и в прорехах, словно хозяина пытались из него выбить. Через плечо перевязь с кобурой, оттуда торчит рукоять револьвера.

– Каждый охотник желает знать, – сказал Иван. Человек поднял взгляд, улыбнулся знакомой кривоватой улыбкой, – ...где сидит Сазан. Привет, Сазонов! С возвращением.

* * *

Вадим Сазонов происходил из местного «дворянства» – как в шутку называли рабочих метростроя и служащих метро – дежурных, техников, машинистов. На станции они вместе с ментами образовывали элиту, правящий класс. Сыну машиниста с детства была уготована карьера от бригадира по уходу за туннелями до помощника коменданта. А там, глядишь, и комендантом бы стал – годам к тридцати. Впрочем, подумал Иван, может, еще станет...

Однако Сазонов, как говорили на станции, «взбрыкнул» и напросился в группу разведчиков. Его пробовали отговорить – бесполезно. Уперся до последнего, как заклинившая герма. Сначала Косолапый настороженно относился к странному новичку, все норовил поддеть, проверить на слабо. Еще бы – пижон, выскочка, голубая кровь. А туда же – в дигтеры! Но после заброски в Андреевский двор, когда новичок прикрывал отход группы, хладнокровно отстреливая одну за другой павловских собак, даже Косолап сдался. Сазонова приняли как равного.

И теперь он не мент, не машинист. Коренной диггер.

Но по шее он у меня все равно получит, подумал Иван. По-нашему, по-диггерски...

– Чем порадуешь? – Постышев смотрел исподлобья.

– Ничем, шеф, – сказал Сазонов. – Хороших новостей у меня для вас нет, Глеб Семеныч, извините. Туннели прочесали, раз. Никаких следов, никто не проходил, никто ничего не видел. В вентухах и ТДП-шках пусто – это два. Мы дошли до блокпоста «Адмиралтейской». Адмиральцы клянутся, что никого не видели. Это три. – Он помолчал. – Такие вот фиговые новости...

– А с караванщиками?

– Караванов давно не было. – Сазонов покачал головой. – Сами знаете. Разве что через коллектор прошмыгнули... но это едва ли. Генератор немаленькая вещица, его в кармане не утащишь.

– Ясно. Тогда как они это провернули? Вот что мне интересно. А, господа-товарищи дигтеры? – Постышев засопел и поднялся. – Позор. Стойте, – он вдруг вспомнил, – ты же говорил про бордюрщиков... откуда?

Сазонов улыбнулся.

– А я еще не закончил, шеф.

– Так заканчивай!

* * *

– Один вопрос... – Сазонов взял старшего адмиральцев за ворот куртки. Аккуратно, медленно...

И вдруг резко рванул на себя. Белесая голова адмиральца мотнулась, ресницы хлопнули... Сазонов двинул ногой, сбил спиртовку. Откатился чайник, гремя и расплескивая кипяток. Взвился пар. Закричали люди.

– Где?!

– Что где? – Адмиралец попытался вырваться. Потянулся к поясу. От неожиданности он забыл, что не вооружен.

– Где твои тридцать сребреников?! – заорал Сазонов прямо в белесое лицо. – Давай, сука, выверни карманы!

– Чего ты? – опешил адмиралец. – Чего ты?

– Карманы! – Сазонов поднял «кольт-питон» и прижал ствол к подбородку старшего. – Выворачивай! И попробуй мне дернись, сука. – Большим пальцем он взвел курок. Чик. Какой приятный звук. – Гладыш!

– Есть.

Адмиралтейцы наконец сообразили, что происходит неладное. Только они бросились к оружию, секунда... Гладыш уже стоял над ними с «калашом».

– Оп-паньки, – сказал Гладыш и погладил АКСУ по ствольной коробке. – Хороший песик, хороший... – Он смотрел на адмиральцев, не отрываясь, желтые оскаленные зубы торчали вперед, как у барсука. Помятая, небритая морда. – И что мы имеем? Маленький вопросик. Че с ними делать, командир? Сразу в расход или сначала помучаем?

А он умнее, чем кажется. Сазонов кивнул: так держать, и потащил старшего за собой, к лодочной пристани. Он тянул его так быстро, что адмиралец временами падал на колени, и его приходилось практически волочь.

– Хочешь искупаться? – ласково спросил Сазонов. Черная вода морщилась, бликовала.

– Да пошел ты! – Старший начал приходить в себя. Отпихнул руку Сазонова с револьвером. Ах, так...

Сазонов швырнул его на деревянный помост. Глухо застонало дерево. Вдоль узкой пристани к столбам были привязаны четыре лодки. В свете фонаря их тени качались вверх-вниз на стенах туннеля.

– Сколько тебе заплатили? – спросил Сазонов спокойно. – Последний шанс. Ну! – Он перехватил револьвер за ствол. Старший начал подниматься...

– Я не знаю, о чем ты говоришь... ох!

Сазонов ударил его рукояткой по ключице, услышал хруст – сломал, похоже.

Старший с обмякшей правой рукой рухнул на колени.

– А-а-а! А-а-а!

За спиной Сазонова закричали. «Весело, бля, летит время! Все нужно делать на драйве».

– С-сука, – простонал старший адмиральцев. – Мы же с тобой чай пили... с-сука, как больно... мама, мама. Я ничего... я...

– Последний шанс. – Сазонов отступил на шаг и поднял револьвер. Прицелился точно в середину бледного лба. – Считаю до пяти. Раз!

Адмиралец заплакал. Слезы катились у него по щекам, оставляя грязные дорожки, капали с подбородка.

– Не надо... не надо!

– Сколько тебе лет? – спросил Сазонов.

– Ч-что?

– Два!

– Я скажу! – Старший здоровой рукой начал вытаскивать из кармана пачки сигарет и связки таблеток, бросать на помост. – Мне семнадцать, семнадцать!

Одна из пачек зацепилась и порвалась, драгоценные сигареты рассыпались... Сазонов с легкой брезгливостью смотрел, как одна из сигарет закатывается в лужу и размякает. «Курить хочется, сука, сил нет».

– Три!

– Опустите оружие, – приказал голос.

Сазонов медленно повернул голову. «Вот зараза. Ты-то откуда взялся?»

На него смотрело дуло автоматического пистолета. Пистолет держал черный человек.

– Ты еще кто такой? – спросил Сазонов.

– Капитан-лейтенант Кмициц, – представился черный. Обшлага его блеснули серебром. Надо же... Сазонов чуть не выронил револьвер – от неожиданности. Капитан Кмициц был в черном флотском мундире, Сазонов такие только в книжках видел.

– Служба безопасности «Адмиралтейской», – сказал капитан. – Опустите оружие. – Он взвел курок. – Я вынужден настаивать.

– Уберу, – легко согласился Сазонов. – Пусть объяснит только две вещи. Откуда это, – он кивнул в сторону рассыпавшихся сигаретных пачек и упаковок с антибиотиками, – и как через этот туннель пронесли украденный с «Васьки» генератор.

Кмициц повернулся к старшему поста.

– Объясните товарищу, – приказал спокойно. Старший дернулся.

– Это... не мое...

– А чье?! – Сазонов рассвирепел.

– Я... ничего не брал... не для...

– Не для себя, я понимаю, – сказал Кмициц мягко. Сазонов заметил, как во взгляде капитана зажегся огонек понимания. – А для кого?

– Четыре! – возвестил Сазонов.

Старший уже рыдал в три ручья. Слезы лились из глаз, на груди расплылось мокрое пятно, мокрые белесые ресницы склеились.

– У меня мама... больная... ей... надо...

Еще бы. Антибиотики на вес патронов. Даже просроченные.

Кмициц перевел взгляд на старшего, потом опять на Сазонова. Кивнул едва заметно – продолжай.

– Так кто тебе заплатил? – Сазонов понял намек. – Давай, скажи и все закончится.

– Я... не...

– Не заставляй меня говорить «пять». Пожалуйста.

Старший поднял опухшее красное лицо.

– Они говорили... – Он всхлипнул. – Что им надо успеть сегодня на... на...

– Куда?!

– Я слышал, на «Маяк»...

Сазонов помолчал. Вот и все. Все закончилось. Он опустил револьвер. Хорошая штука «питон». И рукоятка удобная, из пористой резины.

– На «Маяк» – то есть на «Маяковскую»? – уточнил он, хотя это, в общем-то, уже не требовалось. – Это были бордюрщики?

– Д-да.

– Точно бордюрщики?!

– Да!

– Теперь понятно? – спросил Сазонов у капитана. Тот помедлил и опустил пистолет.

– Вполне. – Кмициц оглянулся. – Мне нужно позвонить. Прикажите своему человеку убрать оружие. Этого... – Он поджал губы. – Эту продажную мразь под арест. Попробуем их перехватить на «Гостинке».

– Думаешь, получится, капитан?

Кмициц покачал головой.

– Не знаю. Попробуем.

* * *

– В общем, так обстоят дела, – заключил Сазонов. Прошел к столу, лицо вымотанное – даже щеки ввалились. – Это кто? – Он мотнул головой в сторону тела, укрытого брезентом.

– Ефиминюк... Ты мне вот что скажи, – сказал Иван. – Зачем бордюрщикам наш генератор?

Сазонов пожал плечами.

– Не знаю, Ван. Может, у них с «центрalkой» начались проблемы?

Иван кивнул. Логично. Сойдет как рабочая версия.

– И что ты предлагаешь? Воевать с «Площадью Восстания»?

– Ага, – сказал Сазонов. – И для начала захватить «Маяк». В общем, если поторопимся, к утру успеем.

– Точно, – сказал Иван.

«Площадь Восстания» – одна из самых старых станций ленинградского метрополитена, построена была в далеком пятьдесят пятом году, еще в стиле сталинского ампира – пышном, монументальном, когда на отделку станций средств и материалов не жалели. Станция задумывалась как одна из центральных на случай атомной войны, поэтому там в туннелях через каждые двести метров санузелы, дренажные станции и фильтро-вентиляционные установки. И еще куча разных секретных ходов, убежищ гражданской обороны и военных бункеров. По сложности схема обвязки «Площади Восстания» соперничает даже с московским метро – а это надо постараться.

В целом ленинградское метро строили просто и даже скучно, потому что жидкие грунты, вода и прочие радости, но «Площадь Восстания» выделялась по-московски изощренной, какой-то даже азиатской запутанностью. Не зря она бордюрищикам досталась...

Есть тут высший смысл.

– Можем, вам сразу империю Веган покорить? – ядовито осведомился Постышев. – Прямо сплю и вижу, как вы это делаете! Напару. Воители, бля, зла не хватает...

Сазонов выпрямился.

– Вот мы про это и говорим, товарищ комендант, – сказал он. – Черта с два мы с ними справимся.

– И? – Постышев покатал желваки. – Что предлагаешь?

Сазонов оглядел собравшихся:

– Надо поднимать Альянс.

Молчание.

– Вот, бля, – сказал Постышев устало. – Допрыгались.

* * *

В Приморский Альянс прежде входили шесть станций: «Приморская», «Василеостровская», обе «Адмиралтейских», «Гостиный двор» и «Невский проспект». Но после того как Приму пришлось оставить, станций стало пять. И весы утратили равновесие.

– В общем так, разведчик, – сказал Постышев негромко. – Твою свадьбу мы пока отложим. Извини. Сам понимаешь, время сложное.

– Но...

Иван помедлил. «Таня...»

– Мне нужно твое слово, Иван.

– Да, – сказал Иван. – Сначала генератор.

– И вот еще что, – сказал Постышев. – Связь восстановили. Кабель был перерезан, если кому интересно. Кому-нибудь это интересно?! – повысил он голос.

Сазонов с Пашкой сконфуженно замолчали. Болтуны.

– Так вот, орлы. – Комендант ссутулился, грузно навалился на стол. – Слушаем меня. Я связался с «Адмиралтейской». Адмиралыцы пришлют своего человека – для координации совместных действий. А пока он сюда едет... вернее, не так. Пока мы тут будем с послем договоры договаривать, вы, братцы, уже должны быть на подходе к «Маяковской-Восстания». Это понятно?

– Да, – ответил Иван.

– Хорошо. На сборы даю три часа. Еще полчаса – на прощание. Все, вперед. Время пошло.

* * *

Таня молчала, пока они шли к Ивановой палатке.

– Все решил?

Иван посмотрел на нее. Одними глазами показал: да.

– А чего молчишь?

Он не знал, что сказать. Последние события выбили Таню из равновесия – невеста, готовилась стать женой... опять невеста, и пока неизвестно, на сколько. Пока Иван сходит на войну, пока вернется – и дай бог, чтоб вернулся. Тьфу-тьфу-тьфу, постучать по тубингу и сплюнуть.

«Интересно все-таки, ходила она к Трубному дереву или нет?» Иван моргнул.

Все они ходят.

– Ладно, как знаешь. У меня дел полно, – объявила Таня, повернулась и пошла по платформе.

Иван посмотрел ей вслед. Обиделась, что ли?

Он прошел в палатку – времени в обрез. Собрать вещи и пару часов поспать. Все. Иван сел на койку, закрыл глаза, откинулся на подушку и заложил руки за голову. Резко открыл.

Нет, не все.

Он услышал за спиной звук расстегиваемого клапана палатки и шелест ткани.

Вернулась все-таки. Не выдержала.

– Не надо мне вещи помогать собирать, – сказал Иван, не оборачиваясь. – Я лучше сам.

– Ваня, – сказала она. Как-то очень значительно.

– Что? – Иван выпрямился. Повернулся... «О черт».

На него словно в один миг обрушился весь сегодняшний день. К монтерам день! Весь прошедший год. Таня, Таня, что же ты наделала?

«Я не верю в приметы».

– Зачем? – Иван замолчал.

Таня стояла перед ним в белоснежном подвенечном платье с открытыми плечами. Бешено, невозможно красивая... Волосы собраны в высокую прическу, выбившаяся прядь падает на изгиб ключицы.

Невеста.

– Зачем?

Она подошла к нему. Ивана вдруг пробил озноб, колени дрогнули. Молчаливая Таня. Сосредоточенная. Все для себя решившая.

– Зачем? – повторил Иван. – Черт!

– Так надо, – сказала Таня. Взяла его ладонь и положила себе на талию. Иван почувствовал под пальцами рисунок ткани. Тепло женского тела...

– У тебя руки ледяные, – сказал он.

* * *

На служебной платформе горел единственный фонарь. Иван уверенно направился туда, обходя завалы из мешков с закаменевшим цементом, пустые кабельные катушки, кучи строительного мусора и торчащие из бетона ржавые арматурины.

– В бой идут одни старики, – сказал Евпат, поднимая голову. – Здорово, Иван! Ну что, герои-мордовцы, покажем молодежи, как зажигали в наше время? – Он оглянулся. – Что приехали, а? Не слышу!

Иван посмотрел. За спиной дяди было пусто. Только ветер шевелил привязанную ко ржавому флагштоку тряпку. Дядин флаг одиночества. Евпат сам выбрал переселение на заброшенную служебную платформу, куда даже племянник редко заходил.

Иногда Ивану казалось, что дядя слегка не в себе.

– Здорово, Евпат. – Иван без сил опустился на сломанную кабельную катушку. – Я посижу у тебя минутку, ладно?

– Сиди уж...

Дядя шумно зевнул, почесал ухо. С потолка срывались капли, падали в жестяной таз. Звонко барабанили брызги об оцинкованные стенки. Уютно горела карбидная горелка, закипала вода в закопченной кастрюле – скоро будет чай. Подземная идилия. Дядя Евпат надвинул на нос очки с перемотанными скотчем пластиковыми дужками, посмотрел на племянника. Пауза.

– Плохо, Иван? – спросил Евпат.

Иван пожал плечами.

– Нормально.

Дядя кивнул.

– Понятно. Сейчас кипяточку сварганю...

Грея ладони о железную кружку, Иван слушал дядину болтовню. Евпат был единственным оставшимся в живых его родственником – дальним, правда, но все равно.

Иногда нужно оставить компанию женщин и компанию мужчин, чтобы выслушать одного уродливого старика.

– А историю про ангелов ты слышал? – говорил Евпат. – Нет? Тогда слушай, больше поймешь, что в метро происходит. Это была ошибка Саддама Великого. В те дни народу на станциях набилось столько, что скоро должен был начаться голод, если бы дети продолжали рождаться. Многие взяли в метро люди, но не гондоны, уж извини за грубость...

И тогда Саддам Великий велел собрать детей... С «Елизаровской», кажись... И под видом школьных занятий отправил в дальний тупик, там, мол, безопаснее – а то крысы совсем обнаглели. А там деток усыпили и обработали. Всех до единого мальчиков. Несколько померло. А потом дети очнулись. Матери, когда поняли, что произошло, взбунтовались. Именно женщины скинули Саддама с трона. Да они его просто разорвали, клочка от него потом нельзя было найти. Охрана пыталась стрелять – куда там! Разве баб остановишь?

Так и закончилась власть Саддама. Но что делать дальше?

Дети-то искалечены. И стали их учить петь. Кастраты. Фаринелли, едрить, все. Как на подбор.

До сих пор поют. А я ведь их слышал, представляешь? Жутко. Словно туннель вибрирует. Голоса чистые и мощные, прозрачные, как кристалл. Они поют, как ангелы.

Дядя помолчал, поправил кастрюлю.

– А кто-то говорит, что Саддаму Великому было плевать на рождаемость. Саддам хотел на небо живым. И для этого ему были нужны ангелы.

– То есть? – Иван не договорил.

– Верно, племяш. – Евпат усмехнулся. – Саддам делал ангелов, а не уродов. Хотел как лучше, чудак эдакий. А его не поняли. Это вообще проблема человечества, не находишь?

Иван помолчал.

– А со станцией что? – спросил он наконец. – С «Елизаровской»?

– А что со станцией? – Евпат поднял брови.

– Ну... после этого? Вымерла?

Дядя пожал плечами.

– С какого бодуна? Других нарожали. Долго, что ли? Бабы – они и есть бабы, им только волю дай. Выполнили демографическую программу за одну ночь. Тем балбесам лет по восемнадцать уже...

* * *

Сначала намечалась свадьба, затем война. Потом решили совместить.

– В общем, так. – Постышев обвел взглядом собравшихся. – Если кто не в курсе. Мы начинаем войну с «Площадью Восстания». Причины вы знаете: убийство, кража, нарушение границ... Все станции Альянса выделяют бойцов для этого дела. Но основная тяжесть все равно наша, это понятно. Это наш крест, и мы его понесем.

В толпе хмыкнули зло:

– Сам бы и нес!

Постышев перевел взгляд на Ивана, устало прикрыл глаза, опять посмотрел на собрание. Вздохнул. Сказал негромко:

– Надеюсь, я доживу до момента, когда генератор вернется на свое место. Надеюсь на вас, ребята. Не подведите. Маэстро, марш!

Солоха нажал кнопку. Заиграла музыка. Бодро, хрипя на высоких нотах, запел динамик старого японского музыкального центра:

*Дрожи, буржуй, настал последний бой,
Против тебе весь бедный класс поднялся...*

Звуки летели над платформой, задорный голос обещал милой многое.

*Ничего, ничего, ничего...
Сабли, пули, штыки – все равно.
А ты, любимая, ты дождись меня,
И я... при... при...*

Хлопок, синяя вспышка. Звук оборвался. Мимо замолчавшего центра угрюмо шли василеостровцы, спускались на рельсы, исчезали в глотке туннеля. Пахло горелой изоляцией. Иван посмотрел на толпу провожающих – женщины, дети, старики. Многие плакали. Со станции уходили все мужчины – даже профессор Водяник шел на войну. Оставался дядя Евпат, куда ему с его ногой. Оставался Постышев – без коменданта нельзя...

Иван огляделся. «Н-да, тоска. Никуда не годится такое прощание».

Прощаться надо весело.

– А ну. – Иван повернулся к Гладышу. – Запевай!

– Какую?

– Нашу.

Тот мгновенно сообразил, растянул губы в ухмылке. Заорал, зарокотал хриплой глоткой:

*– Когда напиваюсь я пьяный, тогда я мотор торможу,
Давай, друг, поехали к дому, а дорогу сейчас покажу!*

И вдруг сладилось, припев орали уже хором:

*Вэ-Вэ-Вэ, Ленинград! Эс-Пэ-Бэ, точка ру!
Вэ-Вэ-Вэ, Ленинград! Эс-Пэ-Бэ...*

* * *

Иван остановился, подсветил фонарем. Пашка обернулся...

– Иди, – сказал Иван. – Я догоню.

Трубным деревом или Деревом желаний называлось ржавое переплетение труб, из-за сырости отделившееся от стены туннеля и опасно нависающее над проходом. Иван покачал головой. Жутковатая штука.

На каждой «ветке» трубного дерева, на каждом стволе висят цветные ленточки. Сквозняк треплет их, от порывов ветра ржавый металл уныло скрипит.

По поверьям «Василеостровской», нужно прийти сюда ночью, загадать желание и повязать цветную ленточку.

Главное: желать яростно, страстно, до потери сознания.

И Хозяин Туннелей исполнит твоё желание.

Если захочет.

«Интересно, приходила сюда Таня?» Иван поморщился. Не твоё дело, Одиссей.

Одиссей и Пенелопа – это была их с Катей игра. Странно...

Пенелопой он назвал одну, а ждать его будет другая.

В туннеле поднялся ветер. Разноцветные ленточки на трубном дереве зашелестели, застрекотали. Ржавым голосом завыл металл:

«Ты не вернешься. Никогда».

Глава 4 Генерал

Сначала они долго шли за дрезиной, что везла их вещи. Старая дрезина уныло скрипела, стирая катки о ржавый металл. Туннель шел под заметным уклоном вниз. Иван понимал, что они спускаются все глубже под землю, может, даже в самый центр мира. В преисподнюю.

Впрочем, никакой нежности к «Адмиралтейской» он не испытывал.

Так что можно и так: в приемную ада.

Воды под ногами становилось все больше. Чем дальше они заходили, тем глубже сапоги погружались в темную, хлюпающую жидкость. Сначала воды стало по щиколотку. Затем по колено. Фонари освещали лишь малую часть пути, дальний конец туннеля терялся в темноте.

Иван остуился на скользкой шпале, скривился. М-мать. Не делай резких движений, вспомнилось Катину напутствие.

«Это что – мне теперь на всю жизнь такой лозунг?»

– Болит? – спросил Пашка.

Уже второй час они вышагивали по шпалам. Дрезина подпрыгивала на неровных, ржавых рельсах. Ее несколько раз пришлось переносить на руках – местами дорога совершенно испортилась. Иван попытался помочь, но его отогнали. «Иди, иди, инвалид детства!» В одном месте полотно железной дороги было прорвано – словно из-под земли вылезло нечто, вывернуло шпалы, одна из которых лежала в паре метров от разрыва, а другая и вовсе переломилась пополам, и уползло. То ли вниз по туннелю, то ли вообще в потолок.

– Не болит? – продолжал допрос Пашка. Станционная контрразведка, елки-палки.

Иван там, на разрыве полотна, запрокинул голову и подсветил диодом. Какая-то дыра там действительно была, но это могли сделать и грунтовые воды.

– Отвали, Пашка, – сказал Иван устало. – Ты это уже в сотый раз спрашиваешь. Не веди себя как моя жена, я тебя прошу. Во-первых, я не женат, а во-вторых...

– ...сам такой! – обиделся Пашка и утопал назад, к замыкающему маленький караван Солохе.

Через полчаса василеостровцы дошли до лодочного причала.

Здесь их ждали адмиральцы с «калашами» – почетный караул, бля. Иван пригляделся. Автоматы были новенькие... ну, или прекрасно сохранившиеся. Блестели радостно. Адмиральцы глазели на пришлых без всякого энтузиазма.

Спасибо, Сазоныч. Слава о твоих подвигах... н-да.

Встречающие были в одинаковых зеленых бушлатах, словно солдаты. Парочка в танковых шлемах. Минус еще один армейский пост, мысленно отметил Иван.

Где он был, интересно? На Английской набережной?

В день Катастрофы погибли все, кто остался наверху. А в Питере солдат было прилично – дядя Евпат говорил, тогда целую дивизию загнали на улицы.

Хотя что такое дивизия для Питера?

Минимум три сотни пулеметов НСВ и «Корд», подсчитал Иван в уме, несколько тысяч «калашей» – сто третьих и семьдесят четвертых, патроны, сухпайки, дозиметры и даже гранаты.

Да и вообще много интересного. Только поблизости от станций метро уже все разграблено диггерами и гнильщиками, продано, перепродано, изношено и съедено.

Но один пост, видимо, где-то затерялся. И там, судя по всему, был танк.

Навстречу Ивану выступил человек в черной шинели.

– Иван Данилыч, рад видеть. – Он протянул руку.

– Взаимно, – сказал Иван, разглядывая незнакомца. Так вот ты какой, каплей Кмищиц. Волевое лицо, слегка восточные черты, темные глаза, русые волосы.

– Лодки ждут, – сказал Кмищиц, – сколько у вас людей?

– У меня пятеро. Дигтеры. У Кулагина, – он мотнул головой назад, – тридцать один.

Кмищиц кивнул.

– Обернемся в два захода. Прошу на борт.

Лодки прошли по узкому фарватеру между столбов. Кое-где были привязаны лампы, освещавшие черную, словно нефть, воду. От нее шел резкий, выворачивающий желудок, запах. Иван опустил весло в воду и плавно повел – и раз. И два... черт! Прихватило под ребрами. Стало трудно дышать.

Туннель начал заваливаться набок.

– Держи его! Дер... да держи ты его, наконец! – отдаленные голоса. Словно он куда-то бежал.

Очнулся Иван от странного ощущения спокойствия. Они плыли по туннелю между заросших путевых столбов. Белесые пятна грибов на влажном дереве казались светящимися.

Дальше туннель выходил к платформе. «Нижняя Адмиралтейская» – недостроенная станция, там даже отделку только-только собирались делать, когда все началось. Станция закрытого типа, как и «Василеостровская». Только размерами побольше. Ну и зарыта на сорок метров глубже.

– Миша, – окликнул он Кузнецова, почему-то оказавшегося в одной с ним лодке. – Где все?

– Все? – Миша вдруг улыбнулся. Совершенно чужой, растягивающейся, словно каучук, улыбкой. – Все умерли, командир. Обвал случился в туннеле, тебя завалило. А все остальные погибли.

– И ты?

– И я, командир, – согласился Кузнецов. – Ты что-нибудь помнишь?

– У нас украли генератор...

Чужой, незнакомый Миша засмеялся. Лающий смех, в котором грохотало ржавое железо и падали черные птицы, пошел отражаться от тубингов, от темной воды, и улетел вдаль, в оба конца туннеля. И где-то вдали, совсем далеко, глухо и страшно засмеялся еще один чужой Миша.

– Нет, командир, – сказал чужой Миша, который сидел рядом. – Это тебе привиделось.

– То есть... – Иван помолчал. – Генератор у нас не крали?

– Нет.

– А Ефиминюк?

Чужой Миша покачал головой.

– Единственные мертвые люди здесь – это ты и я, командир. Извини. Карбид на «Приморской»... помнишь?

Иван подался вперед:

– Ацетилена было слишком много?

– Нет, – сказал чужой Миша. – Ацетилена было достаточно. Ты уничтожил тварь. Но ты забыл про потолок, командир. Он держался на соплях. Потолок обвалился, тебя накрыло. Так бывает. Мне жаль.

Иван обдумал ситуацию.

– Я мертв? – спросил он наконец.

– Не совсем. На самом деле ты сейчас лежишь под завалом, но еще жив. Скоро кислород перестанет поступать к мозгу и ты умрешь окончательно. На самом деле, – чужой Миша улыбнулся, – он уже перестает. То, что ты сейчас видишь – это умирание твоих мозговых кле-

ток. Меня на самом деле здесь нет. Есть кислородная смерть твоего мозга, командир. Все это длится доли секунды.

– Таня? Что с ней?

– С ней все будет в порядке, – сказал чужой Миша. – Она оплатит тебя и скоро выйдет замуж.

– За кого?

Чужой Миша поднял брови, посмотрел на Ивана – в темных глазах таяли искорки.

– Ты действительно хочешь это знать?

– Да.

– Как хочешь. Нам осталась наносекунда. Это будет...

Что чужой Миша хотел сказать, Иван так и не узнал. Потому что проснулся по-настоящему.

Открыл глаза. Кто-то подложил ему под голову свернутое одеяло. Пашка?

Иван полежал еще, сердце чистило. Спокойно, велел он сердцу. Все будет хорошо. Всего лишь очередной дурацкий сон...

Они плыли между столбов. Лодки беззвучно резали чернильную, плотную как мокрый асфальт, воду.

«Адмиралтейская-2» встретила их деловым гулом и – равнодушием. Ступая по бетонным ступеням, выщербленным, сбитым, затем по коридору – сбойка от нижней станции к верхней, Иван не мог избавиться от мысли, что все кончено. Раньше семейное тушеночно-консервное будущее представлялось Ивану скучным до изжоги – мне-то оно зачем? Но теперь, когда беда встала перед носом – очень захотелось обратно. И чтобы опять впереди маячила долгая скучная жизнь...

За следующим поворотом оказалась гермодверь, часовой с помповым дробовиком выпрямился. Увидев Кмищица, выпрямился еще сильнее и резко бросил ладонь к виску.

– Вольно, – сказал Кмищиц.

– Как доехали? – к ним шел Гречников, комендант «Адмиралтейской». – Представляете, ваши припасы еще не готовы! Что может быть хуже бардака на войне?

Пожали руки.

– Кто у вас за главного? – спросил Гречников.

– Вот он. – Иван кивком показал на Олега Кулагина.

Формально старшим считался Кулагин, но боевыми операциями командовать будет Иван – это было оговорено заранее...

Комендант кивнул.

Василеостровцы отправили на войну почти всех мужчин. Призывной возраст, тоскливо шутил Постышев, глядя на сборы. Четырнадцать-пятнадцать – это уже не дети. Это стратегический резерв станции.

– Добро пожаловать на «Адмиралтейскую»! – сказал Гречников.

С ним было четыре человека... «Толпа, бля, встречающих». Визиты к соседям обычно напоминали праздники – гуляют все. Подарки, выпивка, общее застолье и танцы. Но какие сейчас танцы?

Иван огляделся.

– Пожрать у вас где можно?

Гречников отмахнулся.

– Накормим. Не беспокойтесь. Располагайте людей на отдых, я распоряжусь...

* * *

«Адмиралтейская» поражала воображение. Во-первых, станция длиннее, чем «Василеостровская», примерно метров на пятьдесят. Во-вторых – колонно-стенная, а не горизонтальный лифт. Вместо проемов в стенах и железных дверей – высокие открытые арки. И это сразу вызывало ощущение невероятной легкости, пространства и широты.

Высокая и светлая, отделана золотистым мрамором. Колонны из черного мрамора вдоль центральной платформы, светильники за карнизом, позолота. Вдалеке, в южном торце, виделось темное пятно. Черное мозаичное панно, изображающее Петра Первого в окружении шведов. Или соратников? Иван не помнил.

Вообще на «Адмиралтейской» все поражало достатком и роскошью. Даже рыночек на платформе казался очень цивилизованным и не выглядел барахолкой.

Василеостровцы разбрелись кто куда. Иван своим диггерам дал втык – не убегать, ходить скопом.

Вдруг отправят на Невский уже в ближайшие часы?

Диггеры всегда передовой отряд.

Базу василеостровцы организовали в мгновение ока. На самом деле не база, одно название – вещи свалили в кучу и разбежались.

Туристы, бля.

Иван огляделся. Диггеры аккуратно сложили скарб отдельно и поставили часовым Солоху – зная местных, предосторожность не лишняя... «Адмиралтейская» играла роль перевалочного пункта для караванов с фиолетовой линии, здесь народ всякий попадался. На станции стоял такой гул, что Иван с непривычки сразу устал.

Покормить их обещали в скором времени – но это «скоро» все не наступало. Адмиралты, подумал Иван с презрением. Даже их крутой генерал не изменил этого. Неорганизованные, скользкие...

Когда обещанной кормежки не было и через час, народ заворчал. В животах уже гудело не хуже, чем в трансформаторах под напряжением.

– Консервы не трогать! – ходил и орал Кулагин. Иван покачал головой. Его диггеры привычные, а у остальных обед по расписанию – вот и мучаются.

– Все в сборе? – Иван оглядел своих. Заметил Водяника, расчесывающего пятерней свою косматую черную бороду. – Профессор, вы с нами?

Тот кивнул.

– Ну все. Двинулись.

* * *

Если ты не ищешь приключений, приключения сами найдут тебя.

В данный момент приключения стояли перед ними в образе рыжеватого мужика в длинном, до колен, пуховике. Пуховик был тщательно заклеен скотчем. Иван с трудом подавил желание достать дозиметр и проверить уровень.

– Здорова, лоси! – сказал мужик.

– Почему лоси? – Пашка от удивления даже забыл обидеться.

– Потому что ваш «Васильевский остров» – он еще и «Лосиный», – охотно пояснил адмиралец. – Кто вы тогда? Правильно! Лоси! Так что сопите в трубочку.

Иван прямо залюбовался. До чего же наглый народ на «Адмиралтейской»! А всего-то и нужно было: пару раз удачно разгромить мародеров, что засели в туннелях за «Спортивной».

– За лося ответишь, – предупредил Сазонов с усмешкой. Его эта ситуация тоже забавляла. Картина запредельная, конечно, – один гражданский наезжает на команду диггеров.

– Лось хорошее животное, – вмешался профессор Водяник. Миротворец хренов. – Умное, сильное...

– С рогами! – поддакнул адмиралец.

Бум.

Иван посмотрел на распростертое тело, затем на пожилого диггера. Вдохнул:

– Вот вечно ты торопишься, Гладыш.

– Да я че? Я ничо. – Тот смущенно потер кулак. – Я вообще мимо шел, а оно тут лежало. К ним уже бежал патруль...

* * *

Конечно, им не поверили. Глядя на небритую морду Гладыша, вообще трудно сохранить веру в человечество.

Иван выпрямился. Ну все, начинается.

– Мои любимые конфеты, – сказал он. – Всем приготовиться... Бато-ончики!

В кабинете начальника СБ «Адмиралтейской» едва слышно гудел настольный вентилятор. Когда он поворачивался, лопасти его начинали стрекотать, словно ленточки на Трубном дереве... Прохладная струя задела Ивана. Он вдохнул, перенес вес с ноги на ногу, переступил, поднялся на носках, чтобы разогнать кровь. Опустился на пятки.

Всегда так. Что-нибудь невовремя вспомнишь, и прощай спокойствие. «Ты не вернешься. Никогда».

– Что же это вы, Иван Данилыч? – Орлов, глава службы безопасности «Адмиралтейской», смотрел на него с мягким укором. Иван дернул щекой.

– Нельзя же так, – продолжал Орлов. – Устроили драку, сломали прилавок...

– Насчет прилавка, это случайность, – сказал Иван хрипло. – А с дракой да... признаю. Этот урод...

– У этого уroda, как вы его называете, сломана челюсть. – Орлов покачал головой, словно журил непослушного сына. – И сотрясение мозга.

– Бывает, – сказал Иван. Орлов кивнул: «Понимаю, понимаю. Скучная повседневная жизнь диггеров...»

– Допустим, гражданин Альянса Щетинник В. Л. сам виноват, хотя это еще как поглядеть... только не надо протыкать меня взглядом, Иван Данилыч, умоляю... но патруль, скажите мне, в чем патруль-то перед вами, господа диггеры, провинился?

Иван молчал.

– Или с патрулем тоже случайно получилось?

– Случайно, – сказал Иван. – Мы их сразу предупредили...

– О чем, если не секрет? Что окажете сопротивление законной власти? Понимаю, как тут не понять. Только вы, совершенно случайно, не забыли, где находитесь?

«Век бы не бывать на вашей “Адмиралтейской”», – подумал Иван. Даром не надо. Плечо и рука все еще болели. Зря он, конечно, лично врезал тому адмиралтейцу – но что поделаешь. Если ты командир патруля, это еще не значит, что можно хамить. Иван поморщился. А вообще, конечно, не вовремя...

«Гладыш, твою мать! Втянул в историю».

– Виноват, – сказал Иван. – Готов понести наказание...

– Ой, да перестаньте, Иван Данилыч, – поморщился Орлов. – У нас война на носу, что мне вас теперь, расстреливать прикажете? По закону военного времени?

– А что, война уже официально объявлена?

Орлов смотрел на Ивана без улыбки. Потом взял со стола простой карандаш, повертел в пальцах. Такими сейчас все метро пользуется. Черно-зеленые грани...

– Могу я задать вопрос? – спросил Орлов наконец.

Иван с недоумением уставился на безопасника, пожал плечами.

– Почему нет?

– Во что вы верите?

– Что-о?

Орлов вздохнул. Взялся за карандаш двумя руками.

– В этом и проблема с вашим поколением. Понимаете? Это вопрос, который неизменно ставит любого из вас в тупик. Во что вы верите, Иван Данилыч – в справедливость, может быть? В воздаяние? В зеленых человечков? В жизнь после смерти? В бога? Да черт побери, хотя бы во что-нибудь вы верите?

Молчание. Стрекот вентилятора в тишине.

Иван с новым чувством смотрел на безопасника. Орлова он видел и раньше, но сегодня день открытий. Совершенно другой человек. «Не обманывай себя», спохватился Иван, это может быть просто игра. «Разве ты видел Орлова при исполнении прямых обязанностей? Щас, держи карман шире, а то патроны не влезут».

– Я верю в себя. И в своих друзей.

– А в будущее Альянса? – Орлов подался вперед. – В будущее верите?

– Что вы хотите?

– Мне нужны люди...

Тут Иван наконец понял, чего от него добиваются.

– В стукачи мне как-то не с руки, – сказал Иван. – Сегодня астрологический прогноз не рекомендует. Утром специально проверял.

Карандаш в пальцах Орлова с треском сломался. Пальцы побелели.

– А если без клоунады?

– Если без клоунады... Идите к черту, любезный.

С минуту Орлов смотрел на него, не мигая. Наконец сказал:

– Значит, так?

– Значит, – согласился Иван.

– Неудобный вы человек, Иван Данилович.

– А что, должен быть удобным? – Иван жестко повел плечом, точно собираясь драться. Он стоял, слегка ссутулившись, расслабив руки, и смотрел на контрразведчика в упор.

– Ничего вы не должны, Иван Данилович, – произнес Орлов мягко. Он снова взял себя в руки. – Совершенно. Мне – точно. Только ведь у вас много других долгов.

К чему он клонит, Иван пока не понимал, но тон главы Службы Безопасности ему совершенно не нравился.

– Я свои долги отдаю, – сказал он медленно.

– Не сомневаюсь, Иван Данилович. – Орлов мягко улыбнулся. – Не сомневаюсь. Допустим, в вашем темном прошлом...

– Что? – Иван поднял голову.

– Я ведь про вас много знаю, – сказал Орлов. – Вы уж простите, работа такая. Вы ведь не местный? Не с Альянса?

– Это что, преступление?

– Боже упаси! Банальный интерес и все. Штампик-то у вас в паспорте не Василеостровский. А сейчас такое время, что даже штампик станционный много чего о человеке рассказать может. Например...

– Не говорите так быстро, я за вами не успеваю.

Орлов вскинул голову, уставился на Ивана:

– Опять юмор, значит. – Он шевельнул белесыми бровями. – Понятно. Вы со своим юмором мне уже знаете где, остряки? – Он провел ребром ладони по сонной артерии. – Вот здесь сидите. Клоуны большого цирка, вашу мать...

* * *

Патроны ему все-таки вернули. И оружие. Попробовали бы не вернуть. Иван стиснул зубы, скулы затвердели.

«Спокойно, Иван. Расслабься».

Иван полчаса ругался, просил, уговаривал, угрожал, обегал всю станцию, добиваясь, чтобы его людей освободили. Адмиральцы смотрели недобро, на контакт не шли. Плюнув, Иван нашел Кмицица, тот выслушал, кивнул: «Посмотрим, что можно сделать». И как-то на удивление быстро разобрался.

«Н-да. Один приличный человек на всю станцию, и тот заместитель Орлова».

Закончив с делами, Иван вышел пройтись. И почти сразу обнаружил то, что они искали, прежде чем столкнуться лбами с адмиральцами. Небольшой лоток с надписью крупными буквами «ШАВЕРМА». Вовремя, называется. Нет бы до той стычки – глядишь, и обошлось бы...

– Почем шаверма? – спросил Иван, разглядывая прилавок. А неплохой выбор. Десяток видов салатов, соленые грибы, тушеные водоросли, маринованный чеснок, даже вареная картошка – правда, по цене как пулемет.

– Двэ. – Продавец показал растопыренные пальцы. Два патрона, значит.

– Давай. Еще возьми салат из морской капусты, – сказал Иван. – И азу тоже... нет, азу, не надо.

– Могу еще предложить мясо по-французски. Будете?

Что? Иван посмотрел на продавца с интересом.

– Француз хоть свежий был? – спросил с иронией.

– Обижаешь, дарагой! Вах! Свежайший, как поцелуй прекрасной девушки.

– Даже так? И что там?

– Свинына, лук, сыр, майонез – сам дэдал. Пальчики облыжешь.

Насчет сыра Иван сомневался. Насчет майонеза тоже сомнительно... и все же.

– Свининка чья? Не с длинным голым хвостом бегала?

– Абыдно, да, гаваришь. – Продавец разволновался. – Самый лучший свининка.

С «Васы» приехал. Дэлькатэс!

«С «Василеостровской», что ли? Привет, Борис, – подумал Иван. – Как сам?»

Смешно.

– Уговорил, языкастый, – сказал он. – Давай свой «дэликатэс»...

Через полчаса василеостровцы выступили с «Адмиралтейской» – сытые и с песнями.

Вслед за ними пошел первый отряд адмиральцев.

Война набирала обороты.

* * *

Гостинка показалась Ивану приятней «Адмиралтейской». Еще бы. Почти как дома: родной тип станции – «горизонтальный лифт», родной светлый мрамор, родные железные двери по сторонам платформы – только станция шире и намного длинней, чем «Василеостровская». Двери в туннели открыты. Чего им тут бояться? Разве что... Иван огляделся. Так и есть. У входа мелькнул знакомый солдатский бушлат. И здесь адмиральцы на каждом углу. Они что, размножаются делением?

Василеостровцев уже встречали – деловито, спокойно, без лишней суеты. Здесь, на «Гостинке», Иван снова начал чувствовать себя полноправным гражданином Альянса. Пожилой мужик в синей, древней, как Исход евреев из Египта, форме машиниста протянул руку, кивнул.

– Время плохое, – сказал он, – но гости хорошие. Если Хозяин Туннелей будет не против, вернем ваш дизель.

Освещение на станции было традиционным: натриевые лампы за световым карнизом из алюминия, кое-где на шнурах свисали обычные витые, энергосберегающие. В последние годы перед Судным днем, рассказывал Водяник, на такие полстраны перешло. Электричество здесь, в отличие от «Адмиралтейской», экономили. Освещена платформа была не то чтобы скудно, но без лишнего выпендрежа. На станции царил уютный полумрак. Только дальше, в северном конце платформы, из перехода на Невский лился чистый белый свет – там, Иван помнил, были лампы дневного света под потолком. А по всему длинному переходу – овощные плантации и детские площадки. Дети получали полезное ультрафиолетовое облучение, заодно помогая обеспечить станцию зелению.

Диггеры вышли на платформу. Гладышев присвистнул. Пашка, задрал голову и открыв рот, пялился на возвышающийся до потолка жилой блок – в четыре этажа. Там кипела жизнь. Женщины развешивали белье – на протянутых над платформой веревках сушились рубашки и трусы, простыни и пеленки. Капала вода. Дети играли и бегали, целая стайка замерла на третьем этаже, разглядывая василеостровцев. Жилой блок занимал примерно треть станции, от ора и детских криков звенело в ушах. Где-то наверху плакал младенец.

Дальше за блоком – рынок, еще дальше гостевые палатки для приезжих и кафешки. Все, как у людей. Поехать сюда, что ли, на медовый месяц? Интересно, Тане бы здесь понравилось?

Шумно только очень.

– Давайте за мной, – сказал машинист. Повел их за собой через всю платформу. Когда шли, Иван разглядывал спуски в подземный переход до «Невского проспекта». Офигеть, какого размера станция. В футбол играть можно.

Навстречу Ивану с компанией прошли две девушки – одеты по-местному, в цветных косынках – одна в желтой, другая в красной, ноги от ушей, обе стройные.

– Ты смотри. – Сазонов остановился. – Да мы в раю, пацаны!

Девушки заулыбались. Та, что в желтой, бросила на Сазонова заинтересованный взгляд. А что, парень видный, красивый. Ивану на мгновение стало жаль, что не на него так смотрят. И тут в красной косынке посмотрела на него, опустила глаза... снова посмотрела. Как обожгла. Ивану сразу стало весело.

А всего-то и нужно мужчине...

По слухам, на «Гостинке» и «Невском» обитали самые красивые девушки во всем метро.

– Представляешь, – сказал Пашка оживленно. – Тут до Катастрофы на поверхности были торговые центры для самых богатых. И персонал подбирали так, чтобы сердце покупателя радовалось, глядячи. Только настоящих красавиц. А потом все эти красавицы оказались внизу. На станции. Вот повезло кому-то!

– Н-да? – Иван поднял брови.

Пашка смутился.

– Ну, я так слышал. И смотри – не ввали же! Есть на что посмотреть.

– Ты смотри-смотри, а рот не разевай сильно, – заметил Сазонов. – Здесь, говорят, за изнасилование самое жестокое наказание во всем метро. Тут такое творилось после Катастрофы, что... сам понимаешь.

– Да я вроде не планировал, – растерялся Пашка.

– Смотри у меня.

* * *

– Помните, ученые говорили: после ядерной войны на земле выживут только крысы и тараканы? Помните? Вот и я помню. Ну и где те тараканы? Ты хоть одного в метро видел, а? И я не видел. Вот я и говорю: как этим ученым вообще верить?

– Ну, с крысами же они не ошиблись, – сказал Кузнецов. Молодой мент неплохо вписался в компанию местной молодежи.

– А я слышал, – вмешался до того молчавший худой парень из невских. – На «Фрунзенской» крысы исчезли. Совсем.

– Гонишь, нет? Почему исчезли?

Невский усмехнулся.

– В том-то и штука, мужики. Не знает никто. Просто взяли и исчезли. Говорят, их жрет кто-то...

Иван кивнул Кузнецову, тот помедлил и кивнул в ответ. Иван глазами показал: иди сюда. Кузнецов наконец сообразил. Встал и направился к разведчику в обход костра. Тем временем принесли гитару, всю в наклейках и надписях, передали лысоватому мужичку. Тот провел пальцем по струнам. Тин-тин-тин – и начал настраивать.

– Командир? – Кузнецов выпрямился.

– Вольно, Миша. Есть минута?

У костра продолжали болтать:

– Если бы я жил на Лизе, у веганцев, я бы на месте крыс давно сбежал. Вы хоть знаете, что они едят?.. То-то! А вы говорите: крысы...

И не договорил. Зазвучали первые аккорды. Иван поморщился – гитару настроили неточно, – у него прямо зубы занули.

– Ойдем подальше.

– Крысиный король, – долетело от костра. – Нет... то крысиный волк! Крыса, которая жрет одних крыс. Я тебе говорю... нет, крысиный король, это когда они хвостами срослись. Кстати, мне рассказывали, что на Пушкинской такой завелся... Людей жрет!

Голос перекрыла новая волна аккордов.

– В общем, так, Миша, – сказал Иван. – У меня для тебя ответственное задание...

* * *

Иван наклонил голову к правому плечу, хмыкнул.

Какая-то уж очень знакомая спина.

– Сашка! – окликнул он.

Здоровяк оглянулся.

– Ван!

Обнялись, похлопали друг друга по плечам. Иван уже лет сто не был на «Невском», где обитал Шакилов с семейством. Огромного роста, сильный, Сашка тоже частенько «дигтил».

Характерный нарастающий треск счетчика Гейгера.

– Вот муть, – возмутился Шакилов. Он до сих пор говорил с легким украинским акцентом – переехал в Петербург перед самой Катастрофой. – Что-то он сегодня совсем с ума сошел. Только и воет.

– А что это? – Такой фиговины Иван еще не видел. Серый обрезиненный корпус, как у петцелевского фонаря, небольшое табло с ЖК-экраном.

– Армейский радиометр. Натовский, само собой. Мы там еще целый ящик такого добра натырили. А он, сволочь, шкалит на обычном фоне, представляешь? Хочешь, кстати, подкину

парочку? – Шакилов почесал коротко стриженный затылок, посмотрел на Ивана, словно впервые увидел. – А ты чего здесь?

– А ты не знаешь? Война у нас.

Шакилов прицокнул языком.

– Понятно. А я-то думаю, чего нас с утра пораньше гонять начали.

Иван огляделся. Все-таки хороший узел «Гостинка-Невский». «Если бы я где и хотел жить, так это здесь».

– А монстров вы своих где прячете?

– Но-но. – Шакилов насупился. – Поаккуратней с выражениями!

В подземном переходе от «Гостиного двора» к станции «Невский проспект» раньше были железные двери в стене. То есть даже не двери, а забутовка каких-то секретных помещений. Бродили слухи, что до Катастрофы там в секретных биологических лабораториях выводили людей-монстров, суперсолдат – сначала для советской, а потом для российской армии. Мол, прислонившись к железным панелям в переходе, можно услышать, как эти жертвы запрещенных экспериментов бродят там, в темноте.

– А что они еще делают? – спросил тогда Иван у рассказчика,

– Да ничего. Просто бродят, – признался рассказчик. Подумал и добавил: – И знаешь, от этого как-то еще страшнее. Вот это шлеп, шлеп, шлеп. И тишина. А потом снова: шлеп, шлеп. Словно у них ноги мокрые. И ходят.

Иван отловил за рукав спешащего Водяника.

– Профессор, а что тут раньше было?

– Раньше, это когда? – уточнил Водяник. Через плечо у него было переброшено полотенце, в руке старая газета.

– Ну... до Войны.

– Филиал радиевого института имени Хлопина. – Профессор пожал плечами. – Подземная лаборатория, изолированная от постороннего излучения. Говорят, там искали скрытую массу Вселенной. А что?

Иван с Шакилом переглянулись.

– Да так, – сказал Иван. – Ерунда одна. Не берите в голову.

Когда профессор убежал, Шакилов помялся, переступил с ноги на ногу, как сонный мишка. Посмотрел на Ивана с хитрым прищуром:

– Думаешь о том же, о чем и я?

– Не знаю, Саш. Хотелось бы сделать залаз, но... – Иван снова увидел адмиральца и замолчал. Шакилов проследил за его взглядом, вздохнул. Негромко пояснил:

– Караул вчера сняли. Сегодня сменные заступили – пополам наши и эти.

Патруль прошел по краю платформы, начал спускаться на пути. Трое в зеленом, трое в чем придется – это местные, понятно. Адмиральцы чувствуют себя как дома здесь...

Иван поднял голову, прищурился. Спросил небрежно:

– Вчера сняли, говоришь?

Шакилов взглянул на Ивана. Почесал круглый затылок.

– Не доверяешь адмиральцам?

– Не доверяю. А ты?

Шакил почесал затылок, наморщил лоб.

– Знаешь, ты прав. Как-то с вашим дизелем некрасиво вышло. Я тоже им ни хуя не доверяю. А Сазон твой молодца. Хорошо выступил. Так ему и передай...

* * *

– Смотри, какие красавцы, – сказал Шакил.

Иван повернул голову.

– Кто это? – Он прищурился.

– Экологи.

– Кто-кто?

– Империя Веган.

Иван проводил их взглядом. Веганцы были в ладной зеленой форме, в блестящих перчатках и в сапогах. Даже стеки у них в руках, такой офицерский шик. Ничего себе. По сравнению с ними адмиралыцы казались выходцами с захудалой провинциальной станции.

Экологи, значит?

– У них ПНВ, – заметил Шакил, разглядывая веганцев. – Хорошая штука, однако. Я все хочу себе раздобыть, да никак не срастается. Вон у того, видишь?

Иван кивнул. От такой приبلуды он бы и сам не отказался.

– Ага, вижу.

Прибор ночного видения. Жизнь в зеленом свете.

– Что они тут делают?

– Вообще не в курсе. – Шакил пожал плечами. – Может, посольство какое?

– Форма у них красивая. – Иван разглядывал веганцев. Они его раздражали чем-то, к чему он никак не мог подобрать нужного слова. – Какая-то хуйня в них нездоровая. То есть я вот на них смотрю... и у меня холодок по спине.

Шакил кивнул. К чужой интуиции диггеры привыкли относиться с уважением.

– Я про них много чего слышал, – снова пожал плечами Шакил. – Мол, они пленных сразу на удобрения пускают.

– Ну, в метро много баек ходит. Что теперь, всему верить?

– Нет, конечно. Еще я слышал, – упрямо продолжал Шакил, глядя на офицера, остановившегося у прилавка. Веганец рассматривал товар, Иван видел его надменный четкий профиль. – Что они делают человеку в черепе дырку, а туда сажают специальный гриб. Гриб вырабатывает псилоцибин, это галлюциноген такой. Почти «кислота», если не лучше. Он там хорошо растет, на мозгах, весь из себя галлюциногенный. А как гриб разрастется, веганцы гриб срезают и употребляют.

Человеку, правда, после этого кирдык. Ломка и кранты. Впрочем, к тому времени от мозга уже мало что остается. Питательная среда для грибницы.

– Ты в это веришь? – Иван перевел взгляд на Шакилова. Тот пожал плечами.

– Кто его знает. Я вот с ними пообщался малехо – и, знаешь, есть такие подозрения.

Иван кивнул.

– Понимаю тебя. А знаешь что. – Он прищурился. – Бери выше, Саша. Это не ПНВ. Это тепловизор.

Шакилов присвистнул.

* * *

Явился Кузнецов с докладом.

– Появились тут одни, командир. Недавно. Ребята Уберфюрера – командира их так называют. Гы, – Миша расплылся в глуповатой улыбке. – Уберфюрер – прямо как в старых фильмах...

На «Василеостровской» кино показывали раз в неделю. Целое представление. Вся станция сидит рядами перед телевизором и смотрит. Иван в последний раз видел «Два бойца» – черно-белый, про войну. Хороший. Там все было как в метро: темно и с песнями. Только на улицу выходили без противогазов. Вот и вся разница...

– Это кто вообще? – спросил Иван, отгоняя воспоминания.

– Люди. – Кузнецов пожал плечами. – Их Кмициц привел, говорит, они за нас будут воевать. Тьфу, то есть, вместе с нами – против бордюриков.

– А им-то зачем? А! – Иван прищурился. – Наемники?

– Что-то вроде. Фашисты, похоже.

Иван помедлил и кивнул. Даже если так – выбирать союзников ему сейчас не приходится. Сойдут и фашисты. Чем они хуже кришнаитов, например?

Тоже лысые.

– Так где, говоришь, твои фашисты?

* * *

– ... Антон, Кузьма, – представил спутников Уберфюрер. – А это Седой.

– Седой? – удивился Кузнецов наивно. – Так он же лысый?

– Одно другому не мешает.

Скинхед погладил себя по сверкающей, отполированной, как костяной шар, макушке. Усмехнулся.

– Ага, – сказал он. – Не мешает.

Скинов было восемь человек. Для дигг-команды многовато. Но Уберфюрер – выбритый наголо тип неопределимого на взгляд возраста – ему могло быть и двадцать шесть, как Ивану, и сорок пять – Ивану понравился. По крайней мере – заинтересовал точно.

– Знаешь, почему негры в метро не живут? – спросил Уберфюрер вместо приветствия.

– Потому что вы им не даете? – догадался Иван.

– Почти. – Уберфюрер хмыкнул. – На самом деле мы тут люди посторонние, здесь если кто и виноват, так это Дарвин.

– Дарвин? А это кто? – сыграл простачка Иван. – Он что, тоже из ваших?

Седой скин заржал.

Уберфюрер терпеливо улыбнулся.

– Дарвин не из наших, как ты говоришь, но он создал теорию эволюции. Я разные книжки читал, меня не обманешь. Мол, мы произошли от обезьян. То есть кто от обезьян, выяснить как раз проще простого.

– Мы – арии. То есть произошли от какой-то арийской праобезьяны, – заключил Уберфюрер. – Она, похоже, тоже много о себе воображала. А фишка с неграми простая. Солнечного света здесь нет, верно? А без солнечного света в коже не вырабатывается витамин Д. То есть даже у нас, у белых, почти не вырабатывается, даже под лампами дневного света, как на «Площади Восстания» или на «Садовой». А у негров так совсем. Они же, бедолаги, под южное солнце Африки заточены, под родные слоновьи джунгли. И вот, – сказал он, словно это все объясняло.

– Что вот?

– Знаешь, для чего нужен витамин Д?

Иван пожал плечами.

– Он, братишка, отвечает за ориентацию в пространстве. Бедные наши негры в метро стали теряться. Совсем бедолаги заблудились. Дорогу простую найти не могут. Вот и поумирали к чертовой матери. Синдром Сусанина, бля.

Значит, все-таки Кузнецов не ошибся, подумал Иван. Но мне отчаянно нужны союзники. Цель оправдывает средства. А для этого нужно сделать один финт ушами... Точнее, даже два.

Так сказать, расставить точки над «ё».

– Я не люблю фашистов, – сказал Иван обыденным тоном. – Отмороженные дебилы, вот они кто. Так я считаю.

Уберфюрер изменился в лице.

Тут Иван решил, что ему сейчас будут бить морду – и приготовился. Вместо этого Уберфюрер захохотал. Это было... неожиданно. Особенно когда вслед за вожаком начали ржать остальные скины. Стадо здоровенных морсвинов, елки. Еще бы посвистывали...

– Испугался? – спросил Уберфюрер. Усмехнулся. – Не бойся.

Иван поднял брови. «В чем-то я ошибся».

– Я сказал что-то смешное?

– Видишь, в чем штука, брат. Мы ведь фашистов тоже не любим.

«Евреи, ненавидящие евреев? – подумал Иван. – Н-да».

– Мы другие, – сказал Уберфюрер.

– Другие? – Иван огляделся, скинов было восемь человек, все лысые и наглые. – Что-то непохоже.

Убер хмыкнул.

– Мы правильные скины. Красные. Смотри, брат. – Уберфюрер закатал рукав, обнажилось жилистое предплечье с татуировкой – серп и молот в окружении лаврового венка. – Видишь? Мы не какое-нибудь нацистское дерьмо... Имя Че Гевара тебе о чем-нибудь говорит? Аста съемпре команданте. До вечности, брат. Да-а. Вот это был человек!

Скин – это «кожа» по-английски. А в чем назначение кожи, знаешь? Защищать мясо от всякой малой хуйни и предупреждать, даже болью, если хуйня подступает большая. Вот, скажем, подносишь ты огонек зажигалки к ладони... ага, понял?

Иван кивнул.

– Если есть боль, значит, ты еще жив, брат, – сказал Уберфюрер. – Такие дела.

Кожа погибает первой.

Мы и есть «кожа» метро. Если бы не мы, вас бы уже сожрали. Или сидели бы вы на своих толстых капиталистических задницах и ждали, когда, наконец, вымрете совсем.

А мы заставим вас шевелиться. Хотите вы этого или нет.

Мы – плохие, да? Ублюдки, да? Отмороженные дебилы, говоришь?!

Пусть так. Зато мы не сдаемся.

Иван помолчал.

– И как называется? Эта ваша... миссия?

– А он не такой дурак, – сказал Уберфюрер Седому. Повернулся к Ивану. – Бремя белого человека – вот наша миссия. Киплинг, брат. Ничего не поделаешь. Так и живем...

* * *

Иван стоит на вершине гигантского полуразрушенного здания. Вокруг простирается звенящая, необъятная пустота. Дует ветер – от каждого порыва конструкция гудит и качается. У-у-угу. Иван переводит взгляд. Он стоит на краю наклонной смотровой площадки. Серые облака обхватывают здание несколькими этажами ниже. Подножия здания не видно.

Кажется, отсюда долго лететь вниз.

Иван смотрит вперед, зацепляется за водную гладь и скользит взглядом вдоль реки. Это Нева, молчаливая и чернильно-черная, каменные берега заросли серой растительностью. Облицовка набережной пробита деревьями... Если их можно назвать деревьями. Мясистые серые стволы, скрюченные листья...

Мост. Еще мост, теперь разрушенный.

Вдалеке видны здания. Знакомый шпиль Адмиралтейства.

Дальше Иван видит почти круглое поле развалин, там прошла ударная волна, сровняв здания с землей. Профессор Водяник, наверное, сказал бы, что здесь был высотный ядерный взрыв. Нейтронная бомба. Разрушений не так много, а вот заражение местности на пятьдесят лет вперед.

Наконец, сориентировавшись, Иван понимает, где он сейчас.

Это «свечка» Газпрома. Охта-центр.

Фаллический символ, прорвавший небесную линию города. В здании под ногами есть нечто жуткое, не передаваемое словами. Безжизненное мертвое строение под ногами гудит и воет, раскачивается в воздухе. Амплитуда: несколько метров туда, несколько обратно. Иван помнит, что полностью здание доделать не успели, построили только пустую коробку. Окна успели сделать, но их выбило взрывной волной. Внутри здания все мертво. В час «П» здесь не было людей – кроме строителей, быть может?

Иван переводит взгляд и видит на другом берегу Невы блекло-голубое здание Смольного собора. Некогда изящные башенки выцвели, части нет совсем. Одна сохранилась, но черная от времени. С высоты Охта-центра все это кажется мелким и игрушечным.

Бамм.

Кажется, в здании что-то есть. Какая-то жизнь. Иван поворачивает голову и видит глаз.

Черный круглый глаз смотрит на него сквозь перекрестье ржавых балок, сквозь провал в смотровой площадке.

Иван чувствует, как мороз пробегает по коже.

Не птичий.

Клекот. Длинная зубастая пасть высовывается сквозь лифтовую шахту. Дергается, бьется. Вытянутая шея покрыта серым пухом. Зубы острые и мелкие.

Иван отшатывается. Кладанье клюва и недовольный скрежещущий голос твари. Порыв ветра толкает его в спину. Иван чудом сохраняет равновесие, вцепляется в металлическую балку. Здание медленно, нехотя раскачивается. Холодный мокрый металл скользит под пальцами. Ржавчина.

Иван цепляется что есть силы, но пальцы соскальзывают.

Один палец отрывается от балки. Другой...

Страха нет. Есть странное оцепенение, словно происходящее его, Ивана, не касается.

Он держится на двух пальцах. Они белые от напряжения.

В следующее мгновение Иван свободной рукой вынимает нож. Замах – блеск лезвия – удар. Клац! Клинок перерубает пальцы чуть ниже второй фаланги.

Иван молча смотрит. Крови нет. Совсем.

Пальцы медленно отделяются от кисти. Щель становится все больше, больше. Превращается из узкого канала в широкое русло Невы.

Иван отпускает нож. Тот, кувыркаясь, летит вниз и исчезает в тумане.

Иван видит белый ровный срез с точками костей...

И начинает падать.

Ветер свистит в ушах. В животе нарастает провал. Мелькают этажи. Башня стоит под наклоном, поэтому они все дальше от Ивана.

В следующее мгновение он влетает в серый мокрый туман.

Внезапная слепота.

Пропась в животе.

Удар.

* * *

– Ван, слышишь? – Голос Солохи. – Тут какая-то хуйня происходит.

Он открыл глаза, сдвинул вязаную шапку на лоб. Снится же всякая хрень...

– Драка! – заорали неподалеку. Народ на станции заволновался. Словно в воду бросили огромный булыжник и пошли круги.

Вернулся Пашка:

– А-атас полный. Опять невские с адмиральцами чего-то не поделили... Ша резаться будут!

Иван вскочил, охнул от внезапной боли в боку. Твою мать... Вроде и не его дело, но там свои.

Когда он добежал, на платформе уже собралась толпа и знакомый голос разруливал ситуацию.

– Предлагаю решить дело миром, – сказал Шакилов.

– Это как?

Шакил улыбнулся, став вдруг добродушным, как плюшевый мишка. Только с автоматом и разбитой мордой.

– Переведем разговор в другую плоскость, приятель.

– Короче. – Крепыш набычился. Под глазом у него багровел фингал. – Что предлагаешь-то?

– Футбол.

* * *

Команды собрали быстро. Найти мяч, освободить место, сделать ворота, разметку – ерунда. Полчаса и готово. Дольше всего спорили о названии команд.

И те, и другие хотели называться «Зенит». Ну еще бы. Долго обсуждали, кто-то предложил назваться Зенит-1 и Зенит-2. Сначала это решение поддержали почти все, но тут начались споры, какая из команд будет вторым Зенитом, поэтому перекинулись на другие названия.

– Петротрест! – крикнул кто-то.

– Сам ты «петротрест»... скажи еще «Алые паруса»! Лучше уж «Динамо»...

Шакилов забрал своих на совещание, вернулся и сообщил, что они все-таки «Зенит».

– Тогда мы «Манчестер Юнайтед», – объявил крепыш. – Все, поехали.

* * *

Свисток.

Сосед толкнул Ивана локтем – смотри, смотри. Диггера перекосило от боли.

Судья в черном резво перегнал игрока с мячом и ушел в отрыв. «Ни фиги себе». Молодые парни по сравнению с ним казались медлительными, как улитки.

Сосед повернулся – лицо покраснелось, глаза горят. Фанатичный, лихорадочный блеск глаз. «Пьяный, наверное, – решил Иван. – Или обкуренный».

– Видел?! – спросил сосед.

– Видел, – сказал Иван. «Дать ему в рожу или не стоит?» Ребра пылали.

– Э-э, друг, – сказал сосед. – До войны тебе такое и не снилось. Знаешь кто у нас судья? Знаменитый Гайфуллин!

– А кто это? – Иван, на миг забыв про больные ребра, покрутил головой. Но знаменитым Гайфуллин как-то не выглядел. Вполне обычный пожилой дядька в черных трусах и со свистком. Он бегал по платформе и сдержанно матерился.

Единственное, бегал быстро. Куда быстрее футболистов.

– Вот его бы нападающим, – сказал Иван.

.

– Ну ты даешь, парень! – присвистнул сосед. – Неужели не узнал? Это же сам Джохар Гайфуллин, судья международной категории! Представляешь? Он чемпионат мира судил в две тысячи десятом. Италия – Новая Зеландия, веришь, нет? Тебе такое и не снилось. Поле длиной в три таких станции. Зеленое, красивое, ровное. Да там одного народу на трибунах было за сто

тысяч. И сотни миллионов смотрели по телевизору. Миллиарды людей! А теперь этот профи судит любительский матч...

Хлюп.

Иван перевел взгляд.

– Что с вами, профессор?

– Мы сейчас все профессионалы, – сказал Водяник дрогнувшим голосом. Глаза у него были странные. Проф вздернул бороду, поднялся и стал, неловко извиняясь, пробираться к выходу. Иван посмотрел ему вслед. Какая-то неправильная спина у Профа.

«Он что, плачет?»

Иван подумал, сунул соседу-болельщику пакет с морской капустой и полез следом за Водяником...

Сосед глазел на поле, открыв рот.

Иван нашел профессора за колонной. Водяник стоял у края платформы, спина вздрагивала. Внизу, на рельсах, с матами разгружали грузовую дрезину.

– Что с вами, Григорий Михалыч?

– А я ведь не люблю футбол, – сказал Водяник неожиданно. Голос дрожал и прерывался. – Когда в ЧГК играл, никогда футбольные вопросы не брал. Не мое это. А тут смотрю и дыхание вот здесь застрекает. Представляешь, Иван? Особенно когда... – Профессор смущенно закашлялся. – Да ну, не слушай меня... Иди, Ван, я подойду...

Иван вернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как «Манчестер-Юнайтед» закатил мяч в ворота «Зенита». Толпа ревела и выла.

Шакилов, красный и огромный, вышел на сближение с голкипером «Манчестера»... Удар.

Нарушение. Сосед аж подскочил. Рухнул на сиденье.

– Не было! – крикнул он в отчаянии, хотя даже Иван, не особый болельщик, четко видел, что «было».

«Знаменитый Гайфуллин» решил иначе, чем сосед. Красная карточка!

Зрители охнули.

– Судью на мыло! – крикнули из рядов болельщиков. Судья вдруг замер и повернулся. С лицом у него творилось что-то странное. «Да быть того не может, – подумал Иван. – Да ну, фигня...»

Судья плакал. Иван видел дорожки от слез у него на щеках.

– Судью на мыло! – крикнул кто-то еще.

«Знаменитый Гайфуллин» поднял голову. Оглядел зрителей. Впервые вижу настолько счастливого человека, подумал Иван. Гайфуллин поднял красную карточку и неторопливо побежал по кругу вдоль зрительского ряда.

Словно он опять судит матч Италия – Новая Зеландия.

Круг. Еще круг.

Матч закончился со счетом два два. Ничья.

– Видели?! – Молодой мент чуть не подпрыгивал от возбуждения. – Судья-то что отмо-чил, а?

Иван кивнул.

– Да Водяник тоже, – сказал он. – Что-то припекло Профа совсем...

– Старики вечно плачут, – сказал Кузнецов. – Правда, командир?

Иван посмотрел на этого молодого зазнайку и сказал:

– Неправда, Миша.

* * *

Иван нашел Кулагина в складских помещениях под платформой станции.

– Теряем время, – сказал он. – Олег!

– Ван, не мельтеши, итак завал. Что ты мне сыпешь?! – заорал Олег на лысого кладовщика. – Что ты сыпешь?! Я тебе русским, блядь, языком сказал: «пятерку» давай! А ты что принес?

Иван заглянул товарищу через плечо и увидел в картонной коробке патроны двенадцатого калибра. Мда.

– Понаехали тут, – заворчал кладовщик.

Кулагин выскочил окончательно.

– Ты что-то сказал?! Не, я не понял, ты что мне тут вякаешь?

– Олечка, спокойней, – сказал Иван. Посмотрел на кладовщика. – Видишь ли, товарищ завсклада перепутал нас с адмиральцами. А мы на самом деле с «Василеостровской». А мой друг... – Иван хлопнул Олега по плечу. – Вообще с Примы. Ты извини, друг, что мы тут шумим, у нас просто засада полная с этим дизелем. Понимаешь?

Лицо кладовщика изменилось. Угадал, понял Иван.

– Что вы сразу не сказали? – проворчал он. – Я-то думал, приехал тут адмиралец и раскомандовался... Сейчас, будет вам «пятерка»...

Иван с Олегом посмотрели друг на друга. Иван развел руками – что поделаешь. Дипломатия.

Только закончили, появился Кмициц, хмурый и помятый. Глаза красные от усталости.

– Я вас везде ищу... Вас приглашают на военный совет.

* * *

Первое, что Иван увидел – это белый шрам на виске.

Затем – серый мундир.

Потом...

Небольшого роста, коренастый, короткая стрижка-ежик. Человек шагнул вперед, разом подавив своей харизмой всех присутствующих.

Установилось молчание.

– Для тех, кто меня не знает. Я – Мемов.

Генерал, генерал, генерал, – прошелестело по рядам. Иван с любопытством уставился на легендарного лидера «Адмиралтейской». «Так вот ты какой, северный олень». Это выражение дяди Евпата сейчас пришлось очень к месту.

– Теперь коротко. Рядовым бойцам разойтись по своим отрядам и подразделениям, быть в полной готовности. Приказы получите в течение часа.

– Командиры – ко мне!

Отпустив лишних, Мемов оглядел командиров. Иван с Олегом переглянулись.

– Итак, – сказал генерал. – Господа-товарищи. Что будем делать? Какие мысли по поводу «Маяковской» – «Площади Восстания»? – пауза. – Никаких? – Он оглядел собравшихся. Усмехнулся. – Тогда слушай мою команду...

Глава 5 «Маяк»

До Катастрофы «Площадь Восстания» была соединена подземным переходом с Московским вокзалом. Когда прозвучал сигнал «Атомная тревога», майор линейной милиции Ахметзянов, татарин и наглая морда, взял пистолет и погнал пассажиров прямым ходом на станцию. Хочешь не хочешь, а побежишь. Москвичи по столичной привычке уперлись, но майор умел убеждать. Против пистолета и нескольких «сучек», как называли автомат АКСУ, не очень-то поперешь. Так и набилась станция в основном выходцами из Москвы. Майор Ахметзянов автоматически стал диктатором, его наследник правил этой монархией, вернее, восточной деспотией с особой жестокостью.

А прозвали их за не характерное для петербуржцев отношение к поребрикам и булкам – бордюрщиками.

Насколько Иван слышал, бордюрщики верили, что в Москве-то точно все спаслись, выехали на секретном метро Дб за границу уничтоженного города – говорят, на месте столицы сейчас гигантская воронка с радиоактивной отравленной водой, и теперь выжившие люди из правительства управляют страной из резервного командного пункта.

А пункт там секретный. Где-то в уральских горах, подземный. Его даже прямым попаданием атомной бомбы не достанешь.

В общем, там взяли управление в свои руки. И помощь близка.

«Хотелось бы и мне в это верить», подумал Иван.

А то, блин, понаехали.

* * *

Сырой туман висит на станции – видимо, еще не включились вентиляционные установки. В пропитанном влагой воздухе тонут звуки.

Иван встает – в палатке темно. Он делает шаг и замирает перед выходом. Сквозь плотную ткань пробивается слабый свет. Трепещущий живой огонь. «Карбидка», думает Иван, затем откидывает полог и выходит на платформу. Первое, что он видит: на платформе лежит, раскинув руки, человек. Ноги в резиновых сапогах, подошвы стертые едва не до мяса. Камуфляжные штаны, ремень, голый торс со следами побоев. Иван вздрагивает. Потом его рука сама тянется к левому боку – проверить. Ай! Заживающие ребра.

Иван поднимает взгляд.

Человек, лежащий на полу, это он, Иван. Даже огромный кровоподтек на боку именно там, где сейчас у Ивана...

«Открой глаза».

Рядом с рукой человека стоит лампа-карбидка. Желтое пламя трепещет, бросает теплые отсветы на лицо лежащего.

...и этот человек мертв.

«Открой глаза, черт возьми!»

Иван открывает глаза. Он весь мокрый от пота, сердце частит. Иван стягивает шапку на лоб, оглядывается. Рядом, прислонившись к колонне, дремлет Пашка. Гладыш громко сопит во сне. Сазонов задумчиво глядит вдаль. Солоха читает.

«Я в каждом сне вижу себя мертвым».

Ожидание. В отличие от привычных диггеров, что «дожимают» сейчас секунды сна, гражданские спать перед боем не приучены. На станции стоит гул. Адмиральцы, невские, васи-

леостровцы сидят на платформе рядами, на корточках, с оружием в руках, и ждут. Голубоватый сигаретный дым плывет над головами. Дикое зрелище, думает Иван.

– Да что нам бордюрышки, – услышал Иван чей-то голос. – Мы их порвем!

«Угу, – подумал Иван, – порвал один такой».

Из рядов невских поднялся пожилой крепкий мужик.

– Ну что, ахейцы? – обратился он к сидящим. – Попробуем на крепость стены Трои?

В ответ – недоуменное молчание.

Он огляделся, поник.

– Да вы даже этого не знаете, – сказал с неподдельной тоской. – Откуда вам? Бедные дети. Эх. Вышла из мрака молодая, с перстами пурпурными, Эос... – продекламировал он. – Гомер, «Илиада»...

– Папаша, – окликнули из толпы. – Ты бы сел, что ли, а то голову простудишь.

В круг быстрым шагом вошел Кмициц.

– Отставить разговорчики! Выдвигаемся.

* * *

Поражающие факторы ядерного взрыва: во-первых, световая вспышка, во-вторых, ударная волна, в-третьих, проникающая радиация. Все это Иван знал наизусть. Бесплезные сведения. Это как в каменном веке изучать баллистические характеристики пули калибра 5,45. Возможно, в мире осталось готовое к использованию ядерное оружие, но с кем, черт побери, воевать? С тварями на поверхности? Так для них атомный взрыв – и папа, и мама, и любимая крестная фея в придачу. Мы при том фоне дохнем, бодем раком, покрываемся язвами, истекаем кровью изо всех возможных отверстий тела, теряем иммунитет и зрение, а твари наоборот – плодятся и размножаются. «Другая экосистема», вспомнил Иван слова старика из сна. Точно.

Вот и поговорил с подсознанием.

– Приготовиться, – негромко сказал Иван. – Пошли с богом.

Дано: туннель до «Маяковской». Длина перегона примерно два километра. Скорость движения: два-три километра в час. Вопрос: сколько времени понадобится, чтобы достичь станции?

Ответ: да фиг его знает.

Передовой отряд Альянса двигался, перехватывая по пути отдельных челноков. Из 312 вентшахты выгнали гнильщиков, пять... как их назвать? Не людьми же? Пять особей. Загребли вместе с остальными. Иван смотрел, как их провели мимо, подгоняя прикладами...

Отправили в тыл.

Рядом с гнильщиками, заросшими грязью и коростой, контрольный дозиметр начинал подозрительно потрескивать. «Интересно, – подумал Иван, – где они находят ходы на поверхность?» Но ведь находят. И тащат оттуда все, что плохо лежит, даже если эта фигня в темноте светится.

Самое смешное: гнильщики в коросте и дерьме, а посмотришь поближе – и зубы почти у всех, и волосы, и глаза нормальные, и вообще подозрительно здоровые, хотя и фонят на все метро. Они что, тоже другая экосистема? Иван покачал головой. Индивидуальные дозы у них чудовищные наверняка. Нормальный человек давно бы лапы склеил, а этим хоть бы что. По три, по четыре смертельных набирают – и живут себе. Впрочем, где ты видел больного гнильщика? Ивана передернуло. Естественный отбор, бля. Кто заболел, того сожрали. Недаром слухи ходят...

Иван со своими добрался до ответвления от туннеля вправо. Там его ждал один из адмиралцев.

– Проверить, – приказал адмиралец и утопал вперед. Иван посмотрел в темный проем. Задумчиво сплюнул.

Отлично, нам выделили сортир.

– Гладыш первый, я второй, Сазон замыкающим. – Иван покрутил головой. Хрустнул позвонком. – Гранату бы... ладно, проехали. Вперед.

Санузел – это отсек душевых, отсек умывален плюс два туалетных – мужской и женский. Света, понятное дело, нет. Что ж... будем работать.

У диггеров фонари примотаны к стволам автоматов. Сазон снял с плеча дробовик, кивнул. Готов.

Гладыш мягким кошачьим движением скользнул в проем.

Иван помедлил, посмотрел вперед – дальше по туннелю мелькали огни фонарей. Передовые отряды приближались к блокпосту «Маяковской».

Выдохнул. Досчитал до трех. И шагнул вслед за Гладышем в темноту.

* * *

«Тревога», – просигналил Гладыш, глаза и уши команды. Показал три пальца. «Вижу троих».

Иван жестом ответил – «Принял». Приставил автомат к плечу. Ну все, понеслась...

Санузлы в метро вообще особая история. Их строили с запасом, чтобы хватило на всех, кто по тревоге окажется в туннелях. Сейчас численность человечества не слишком велика, поэтому санузлы по большей части заброшены. И еще их надо чистить. Вообще, дерьмо и трупы – основная проблема замкнутого пространства.

Особенно остро это вопрос прочувствовали на себе люди при Саддаме Кривом – и сразу после, когда население на станциях сократилось раза в три-четыре-пять. Никто точно не знает, насколько. После смерти Саддама по метро прокатилась волна насилия. Народ крови не боялся, убивали ни за что... Просто так. Отмороженных ублюдков со сдвинутой крышей оказалось столько, что народ начал сбиваться в стада, чтобы уцелеть, под любую сильную руку. Тогда и поднялись криминальные кланы – те же кировцы. Только в кланах можно было рассчитывать на некоторую защиту. И только если ты не женщина и не ребенок...

Это без вариантов.

Насилие над ними творили страшное.

И трупов в метро стало до фига. Есть их нельзя, ведь отведавший человечины переступил черту, он конченный человек, нелюдь, таких убивают без разговоров, а девать некуда. Наверх тоже никак – во-первых, радиация, во-вторых – попробуй на семьдесят метров поднять труп на веревке... да даже на пятьдесят. А в-третьих, наверху сам рискуешь стать трупом.

В общем, все сложно. К тому же разлагающиеся тела грозят серьезной эпидемией.

И тогда выделили станции под кладбища. Похоронные команды собирали умерших и везли в определенные места, где складировали... или что они там с ними делали?

Сжигали, как Иван слышал.

Моргусы обитают на юге, на фиолетовой ветке. «Бухарестская», «Международная» – это все моргусы. По слухам, тупик к недостроенной станции «Проспект Славы» – целиком забит обугленными человеческими останками.

«Да ну, ерунда, – подумал Иван. – Столько трупов даже в метро не бывает, чтобы целый тупик забить».

Впрочем, все еще впереди. Иван вздохнул. «Отбой», – просигналил вдруг Гладыш.

Иван выпрямился, луч фонаря скользнул по грязному зеркалу, высветив на мгновение темную фигуру диггера. Иван вздрогнул. Обернулся.

Дверь в кабинку была открыта.

Мертвецы сидели и стояли. Иван опустил автомат. В висках стучало. Тьфу ты, черт...
– Странно. – Гладыш покачал головой.

Иван покосился. Обычно непробиваемый Гладыш стоял и морщил низкий лоб.

– Что странного?

– Тут сыро, командир. А покойнички – как сушеные.

– Да уж, – сказал Иван.

Он подошел и аккуратно притворил дверь кабинки. Скрип ржавого металла. Даже мертвые имеют право на личную жизнь.

* * *

Они вернулись в туннель. «Чертов адмиралец, – подумал Иван. – Теперь нам тащиться в хвосте колонны».

– Бей москвичей! – вдруг выкрикнул вдалеке одинокий голос.

– Ур-рааа!

– Мочи питерцев! – донеслось в ответ.

Навстречу атакующему потоку ударили вспышки. Чудовищный грохот раскатился, словно гора чугунных шаров, заполнил туннель до отказа – до самой «Гостинки». Закричали люди. Свист пуль, визг рикошета... Ивану некогда было думать, он инстинктивно присел, поднял автомат.

Мелькающие вспышки.

По туннелю лупили из «корда». Калибр 12,7 – маленький снаряд. Не важно, куда такая пуля попадет, даже в руку – все равно смерть от болевого шока обеспечена...

– Ложись! – Мгновением позже Иван сообразил, что так их затопчут бегущие. – Назад, к сортиру! Быстрее!

Они едва успели вернуться к проему, когда мимо пронеслись обезумевшие люди. Мимо двери пролетело несколько трассирующих пуль, оставив светящийся след на радужке.

Пиздец.

«Вот и сортир пригодился, – подумал Иван. – А я еще жаловался».

Мясорубка. Повезло, что адмиралец отправил их сюда, а то попали бы под огонь. Бордюры выкосили первую волну нападающих, точно сняли урожай свежих грибов. Одна голая грибница осталась. Вдалеке прогремел взрыв. Горячая волна прокатилась по туннелю. Граната! Мимо санузла, подгоняемые выстрелами, бежали люди.

Один из бегущих упал и забился в конвульсиях.

Вспышки.

Словно какой-то безумец добрался до прожектора и теперь щелкает выключателем со скоростью звука.

Та-та-та-там. Та-та-та.

– Вытягивай на себя! – сказал Иван.

Дотянулся и схватил за рукав белобрысого, в камуфляжной куртке не по росту, мальчишку. Лет пятнадцать, глаза совершенно стеклянные. Тот закричал, начал вырываться. Твою мать... Иван качнулся и отшвырнул его вглубь сортира. Гладыш поймал паренька и выдернул у него из рук автомат. Парень начал беспорядочно отмахиваться кулаками. Гладыш заломил ему руку за спину, прижал к полу. Парень закричал. Черт. Иван сжал зубы. Такого жуткого, вынимающего душу, что аж мороз по коже, воя он давно не слышал.

По туннелю летели пули. Одна отрикошетила от выемки тубинга, ударила в стену над головой Ивана. Его засыпало бетонной крошкой. Диггер запоздало пригнулся. «Бля. А могла ведь и в голову».

Парень продолжал выть. Гладыш перевернул его, закатил пощечину. С виду мягко – но голова парня мотнулась. Еще одну...

– Хватит! – приказал Иван.

Пулемет замолчал. Первые несколько минут Ивану казалось, что он оглох – словно пространство вокруг забило ватой. В ушах звенело. Иван провел по лицу ладонью, стянул шапку – волосы стояли дыбом. – Ну, пиздец, – сказал Иван. Диггеры молчали. Голос казался чужим.

«Повоевали, блин. Большой кровью нам станет наш дизель».

* * *

Из расколотой фляги вытекала вода. Сочилась через тонкую трещину. «А хорошая была фляга. Когда-то. Все приходит в негодность – рано или поздно».

Иван наклонился, подставил руки.

– Лей, – скомандовал Пашке.

Тот наклонил флягу, порция воды выплеснулась Ивану в ладони, намочила рукава армейской куртки. Иван быстрым движением растер руки, отряхнул.

Полетели брызги.

– Еще, – сказал он. Вода полилась. Глядя на прозрачный ровный поток, падающий в ладони, Иван вдруг подумал о Кате. Набрал воды и с фырканьем растер лицо. Хорошая вода, вкусная. На третий раз он набрал воды в лодочку из ладоней и выпил. Да, отличная.

Повезло невским со станцией. Две артезианские скважины плюс две запасных – чем не жизнь? Дизель-генератор у них до сих пор родной. Старичок, но дышит. По мощности этот старичок делает василеостровский одним мизинцем. Правда, здесь генератор стационарный, его на случай ядерной войны делали – со всеми сопутствующими постройками. Машинный зал, топливный зал, зал для хранения запчастей и инструмента, вытяжка и поддув. Комната механика и тамбур. Живи и радуйся.

Но топлива жрет, зараза, немеряно.

Богатая станция. На «Василеостровской» столько соляры отродясь не водилось.

Иван кивнул Пашке – хватит пока. Потом вытер руки о полотенце, вернулся к своим вещам и отыскал железную кружку. Пора было напиться по-настоящему.

Налил воды и, стоя у края платформы, начал пить маленькими глотками. Иван пил и смотрел, как приходят в себя бойцы Альянса. Кто-то болтает, кто-то ест, но большинство спят – эта сторона платформы плотно застелена телами в зеленых бушлатах и черных куртках. Оно и правильно. Сон – лучшее лекарство.

Дыхание и храп. Справа, из-за некогда белых колонн, окаймленных алюминиевыми поясами, доносились стоны. Там раненые. Лазарет.

Атака на «Маяковскую» сорвалась. Бордюрщики были готовы к нападению.

Потоку, шедшему по параллельному туннелю, повезло больше. У бордюрщиков был только один «корд», поэтому там нападавших встретил всего лишь огонь автоматов и ружей.

Поэтому и потери у них были меньше.

Кулагин с невскими сумел взять первый блокпост и готовился штурмовать второй, когда ему приказали отступить.

Первый неудачный штурм обошелся Альянсу в четырнадцать убитых и тридцать с лишним раненых.

* * *

– Меркулов, к генералу!

Да что опять? Иван нарочно неторопливо повернулся, вздохнул, нехотя поднял взгляд.

Перед ним стоял хлопец. Круглощекий, сытый. Лет восемнадцати, в ладной камуфляжной форме.

– Меркулов! – сказал хлопец. – Ты оглох, что ли? К генералу тебя.

– Оно мне надо? – Иван зевнул. Вытянул ноги, потянулся. Аж зарычал от удовольствия. – Мне и так хорошо.

– Ты еще и поглупел, Меркулов, – сказал хлопец. – Смотри, допрыгаешься. Тебя генерал зовет. Сказал срочно, одна нога здесь, другая...

– В заднице, – отчетливо закончил за спиной Ивана голос Гладышева. – А мы червями... н-ня! – продолжал голос. – Вот такие кренделя. Н-ня! И ватрушки с маком... Н-ня! Вот такая вот...

В деревянную столешницу с треском впечатывались замусоленные карты.

– Что?! – Хлопец побагровел. Казалось, еще чуть-чуть, и он лопнет, так его раздуло от ярости.

– ...хуйня! И семь тысяч с гаком!

Хлопец повернулся к Ивану, пылая гневом праведным и неправедным сразу, и заорал:

– Приструните своих людей, диггер!

– Ну, – сказал Иван и только сейчас заметил у хлопца на камуфляжных плечах полковничьи погоны. Прямо как у старой милиции. Это ж что получается, они уже и звания ввели? Мы тут сидим-то всего четыре дня. – Давайте, что ли, потише, мальчики, – произнес Иван нарочито томным голосом. Полковник вздрогнул. – Ну... как бы... э-э-э... спать пора.

Дальше Ивану стало лень ломать комедию, поэтому он замолчал. Пойти действительно поспать, что ли? Штурм все равно отложили.

– Что вы несете, диггер?!

Иван поднял брови.

– Ну не орать же мне, как какому-то дебилу? – сказал он вежливо. – Верно? Гладыш, – повернулся Иван к пожилому диггеру, – у нас гранаты остались?

Хлопец Помидор поперхнулся.

Гладышев лениво поднял руку и почесал небритую морду. Жесткий металлический скрежет щетины.

– Да вроде...

– Не слышу, – сказал Иван.

– Есть, говорю... – Гладыш повернул голову и натолкнулся на Иванов взгляд. Подскочил как ужаленный, выпрямился до хруста, руки по швам, глаза стеклянные. Заорал – слюни аж до другого конца комнаты долетели.

– Так точно! Замочу любую тварь за милую душу! – И смотрел при этом на хлопца.

– Другой разговор, – согласился Иван. – Вольно, солдат. Так что вы говорили, товарищ полковник? – Он повернулся к посланнику из штаба.

– Вас просят к генералу, – вежливо сказал юный полковник. А в глазах белым огнем плавилось бессильное бешенство. – Товарищ диггер, прошу следовать за мной.

Иван улыбнулся. Бодро поднялся:

– Слово генерала для меня – закон, полковник. Ведите.

* * *

– Позиционные бои... – начал Орлов.

Иван не выдержал.

– Какие к черту бои?! – сказал он резко. – Там бойня натуральная. Мы не можем пробиться через туннельные блокпосты. Пробовали, наших укладывают в легкую. Я потерял уже двоих. Позиционные, говорите? Точно, позиционные.

Мемов спокойно смотрел на командира диггеров.

– Что вы предлагаете, Иван Данилыч?

По имени-отчеству, блин. Иван оглядел присутствующих – невские кто дремлет, кто равнодушен, кто в носу ковыряет. Адмиралыцы не лучше. Лица – прикладом бы, да нельзя.

– Штурм, – сказал Иван.

Сработало. Зашевелились, как крысиное гнездо, куда бросили «зажигалку».

Мемов поднял брови.

– Понятно... спасибо, сержант. Вы, – обратился он к Иванову соседу, с «Невского». – Ваше предложение?..

Тот испуганно поднялся, забормотал. Генерал спокойно выждал, когда невинский запутается в собственных словах, затем обратился к следующему.

Иван слушал. Большинство присутствующих высказывалось за продолжение медленной войны. На истощение, угу. Первая бесславная попытка многих напугала.

«Да меня самого напугала, – подумал Иван. – Порвем – меньше надо было орать про «порвем»...»

– Итак, решаем. Во что нам выльется немедленный штурм? – Мемов оглядел собрание, останавливая взгляд на каждом по отдельности – словно булавкой к стене прищипливал. Иван поежился, когда взгляд верховного остановился на нем.

Водяник рассказывал на уроках про Северный ледовитый океан. А здесь северный ледовитый взгляд. Застывший. Парящая черная вода. И куски льда плавают.

– Чего, господ полководцы, притихли? – Мемов усмехнулся. – Что скажете? Во что нам станет штурм Восстания?

Иван мысленно напряг мозг. Все-таки жаль, что мозг – это не мышца. Было бы гораздо проще. Накачал как следует, и знай себе думай...

Мысль не шла.

– Иван Данилыч, прошу, – теперь генерал смотрел на него.

Иван вздохнул. Единственный способ – встать и по-быстрому отделаться.

Только не говори ничего лишнего. Пускай господа полковники сами отдуваются.

– Первое, – сказал Иван, – распространить слухи, что наступать мы будем дня через три. Второе: отправить бордющикам ультиматум с требованием вернуть дизель и выдать виновных в убийстве Ефиминюка. На размышление дать те же три дня. Третье... – Он остановился.

В комнате нарастал возмущенный гул. Выкрики: «какие еще переговоры!», «кто это вообще такой?», «дело говорит!», «чушь!», «бред!»

Один Мемов спокойно ждал, когда Иван закончит. Лицо генерала ничего не выражало.

– Я слушаю, Иван Данилыч, – напомнил он, когда пауза затянулась.

– Третье, – сказал Иван. – Сделать все это... и атаковать сегодня ночью.

Гвалт стих, словно отрезало.

Люди начали переглядываться.

– Во время срока на размышление? – Мемов смотрел внимательно. – Я правильно понимаю?

– Да.

– Каким образом?

– Снять посты диггерскими группами, – сказал Иван. – Затем немедленный штурм. Быстрый захват «Маяка» – наш единственный шанс. Если бордюрики побегут – прорваться на их плечах на «Площадь Восстания». А там им не удержаться. Но если они запрут нас в переходах... – Иван повел плечом. – Перекроют туннели гермой... то это надолго. Не знаю как вам, – он прищурился, оглядел собравшихся, – а мне лично тут рассиживаться некогда.

Когда военный совет закончился и все расходились, с грохотом сдвигая скрипящие стулья, Ивана оклинул генерал:

– Иван Данилыч, вы могли бы задержаться?

«Ну вот, – подумал диггер. – Допрыгался. Умник, бля».

Когда они остались наедине, Мемов выставил на стол бутылку коньяка и два металлических стаканчика. Разлил. Кивнул: давай, сержант.

Коричневое тепло протекло Ивану в желудок и там разошлось на всю катушку.

Стало хорошо.

– Моему сыну было бы как тебе, наверное, – сказал генерал. – Возможно, вы даже стали бы друзьями. Я плохо его помню, к сожалению. Он все время с матерью, я всегда в разъездах... Теперь я об этом жалею. А мы с тобой похожи. Только, кажется, в твоём возрасте я все-таки был помягче.

Иван дернул щекой.

– И что? Теперь я должен расчувствоваться и заменить вам сына?

Мемов хмыкнул. Покачал головой:

– Ты слишком резкий, Иван Данилыч. Оно и неплохо бы, но временами смахивает на хамство. А я не слишком люблю хамов.

Вот и поговорили. По душам.

Иван не выдержал. «Чертов коньяк!»

– Знаете, сколько я таких исповедей выслушал? – сказал он. – Каждый третий из вашего поколения, генерал. И это правда. У каждого из вас были дети – знаю. И у каждого из вас они погибли – понимаю. И каждому из вас тяжело... верю. Но знаете, что я думаю? Хотите откровенно? Готовы выслушать?! – Иван наступал на Мемова, в глазах генерала зажегся опасный огонек. – Вы сами просрали свой прекрасный старый мир. А теперь пытаетесь превратить наш новый, не такой уж, блин, прекрасный, в подобие своего, старого. Не надо. Потому что это жалко и мерзко – все равно, что гнильщик, копающийся в отбросах... Мы как-нибудь разберемся без вас. Слышите?!

– Не кричи, – поморщился Мемов. – Слышу. Ты мне вот что скажи... – Он помедлил. – Ты сейчас на совете наговорил разного – ты действительно так думаешь?

Иван помолчал.

– Зло, – сказал он наконец. – Должно быть наказано. Справедливость может быть корявой, дурной, но она должна быть. Я так считаю. Бордюрички должны заплатить за сделанное.

Пауза.

– Мой револьвер быстр, – задумчиво произнес Мемов, глядя на диггера.

– Что?! – Иван вскинул голову.

– Фраза из одного старого фильма. Про американских ковбоев. – Мемов покачал головой. – Ты прав, Иван Данилыч, сейчас новый мир. Скорее даже – безмирье. Полоса между старым миром и новым, что рождается у нас на глазах. Завоевание Америки. Освоение целины. Молодая шпана, что сотрет нас с лица земли. Метро стало зоной Фронттира.

– Я не понимаю.

Мемов словно не слышал.

– Как же я раньше не понял... – Он в задумчивости потер подбородок. – Фронтир. Пограничная зона. Место, где правит револьвер. Спасибо, Иван Данилыч, за интересный содержательный разговор. Можете идти, сержант!

Иван резко кивнул и пошел к двери. На пороге помедлил. «Да уймись ты, наконец! – приказал он себе в сердцах. – Всего глоток коньяка – и ты уже пьяный».

Генерал, сидя за столом, читал бумаги.

– Что-то забыл? – Мемов поднял голову.

– Не револьвер, – сказал Иван.

– Что?

– Вы ошибаетесь, генерал. Этим местом правит не револьвер. – Иван помедлил. Неужели не поймет? – Этим местом правит отвага.

Мемов выпрямился. С интересом оглядел Ивана.

– Я запомню ваши слова, сержант.

– И еще, – сказал Иван.

– Да?

– Ваш Фронт по-нашему – Межлинейник.

* * *

К станции выдвинулись под утро, когда бордюрики смотрели последний сон. «Час быка» назвал это время Водяник. «Время, когда скот ложится на землю». Час монтеров, когда темные силы особенно сильны. В густом тумане, образовавшемся от дымовых шашек, на ощупь двинулись группы Шакилова и Зониса, мелкого въедливого еврея, способного убить ребром ладони одного человека, а пространными речами задолбать всех остальных.

Команду Ивана поставили в штурмовой отряд. Если вдруг у диверсионных групп не получится бесшумно снять часовых и открыть дорогу наступающим силам Альянса, в бой пойдут именно они.

«В темноте идем, как гнильщики». Ивана передернуло. Его маленькому отряду выдали по две гранаты на бойца, всего десять, одиннадцатая запасная, у Ивана. Вообще, оптимальная пехотная группа для действий в узких помещениях – четыре человека, но выбирать не приходится. Наблюдателя из адмиральцев ему всучили почти насильно.

Так, еще раз проверим. Иван потрогал пальцами холодный металлический корпус гранаты. Шоковая – из омоновских запасов, боевые-то в городе дефицит. Но так даже лучше. Еще Ивану выдали сигнальную ракетницу и десяток патронов к ней. Завалить гранатами. Слепить ракетами. Оглушить. Сбить с толку. Взять станцию нахрапом, с бою. И плевать на потери...

Иван вглядывался в темноту до боли в глазах. Ни проблеска. Время тянулось медленно.

Рядом с ноги на ногу переступал Колян с «Адмиралтейской». Фанат, как его прозвали диггеры за страсть к восточным единоборствам. Ему не терпелось драться.

Сегодня, подумал Иван, вглядываясь в темноту. Дымный воздух создаст пелену, сквозь которую защитники станции не увидят нападающих... будем надеяться. В желудке была сосущая пустота, словно падаешь в огромную яму. Сегодня все решится. Если соединенным силам Альянса удастся захватить «Маяк», то «Площадь Восстания» взять будет уже проще. «Маяковская» – станция-крепость. Как и «Василеостровская».

Иван вздохнул. Почему-то вспомнилось выражение Таниного лица, когда он сказал: извини, война.

Недоумение. Не потому, что он уходит, а потому что: как это? На одной чаше весов – и война, и счастье? У женщин свои критерии счастья. «Мы, мужчины, не так привязаны к формальным символам. Что для нас кольцо на пальце? Мы и так знаем, когда женщина наша. Или не наша. И кольцо тут ни при чем. Это чисто женские штучки. Женщины! Пока не скажут «можно», счастливой быть нельзя».

Рядом звякнул металл. Ивану захотело подойти и отвесить виновнику хорошего пинка. Придурок, блин. Туннель простреливаемый, наверняка бордюрики заранее пристреляли пулеметы, чтобы бить вслепую. Я бы так и сделал. Или их уже нет в живых, этих часовых? Но где же тогда Шакил?

И где сигнал к началу атаки?

Ладони вспотели, Иван вытер их о куртку. Планы никогда не выполняются от и до. Всегда что-нибудь пойдет не так.

Только бы получилось. Только бы...

Иван посмотрел на часы. В темноте метки едва заметно светятся зеленым, он взял часы в магазине на 5 линии. Хорошему механизму что сделается? Завел, и отлично. Поэтому когда Мемов сказал «сверим часы», Иван их сверил. Сейчас четыре тридцать две утра.

Шакилов ушел двадцать минут назад. Вечность.

Но сигнала все нет.

Что делать?

– Пора? – шепот рядом. – Командир, пора?

Ивану хочется дать пинка все сильнее.

– Тихо, – сказал он одними губами. – Молчать.

Гермозатвор – совершенно необходимая штука при угрозе затопления метро. Огромная металлическая дверь, квадратная, толщиной с полметра, такие стоят в перегонных туннелях и на выходах к эскалаторам. На каждый туннель по две-четыре таких двери.

Механизмы автоматического закрывания уже не работают, зато там есть ручной привод. С помощью специального ключа и ручки можно запереть такую дверь примерно за восемьдесят минут. По нормативу минут за пять.

То есть если бордюрики очухаются и сумеют продержаться достаточно долго, чтобы закрыть гермодверь на выходе из туннелей и в переходе от «Маяка» к «Восстанию», то война ими, считай, выиграна.

Потому что с этим ничего не поделаешь. Кто в здравом уме будет взрывать гермозатвор? Иван покачал головой. А кто в здравом уме будет похищать генератор?

Проклятые уроды. Торчишь тут с вами.

Напряжение стало твердым, как стекло. Не ровен час, порежешься. Иван зажмурил глаза, давая им отдохнуть, снова открыл. Штурмовая группа ждала команды. Водяник, когда они уходили со станции, назвал их гренадерами Петра Великого. Сам профессор сейчас в отряде основных сил. Бегаёт он плохо, а быстрым разумом покарать бордюриков не сумеет – они раньше пристрелят его, чем выслушают.

Иван хмыкнул. Вспомнилось вдруг лицо Косолапого, его прощальная улыбка.

Вот, блин. Не вовремя.

* * *

Иван вздрогнул. Сигнал!

В следующее мгновение он побежал вперед с «калашом» наперевес.

– Приготовить гранаты! – приказал на бегу.

Нестройное буханье сапог напомнило о том, что людей у него не так уж много. Иван слышал рядом хриплое надсадное дыхание. Адмиралец Колян бежал, дыша, как загнанный. Вооружен он был карабином СКС под патрон «пятерку» – охотничий вариант, полуавтомат, весело стрелять. Неплохое оружие. Только вот доверия адмиральцу никакого.

Лишь бы все не испортил.

Иван сжал зубы. Впереди мелькнуло, вспышка, зазвучали выстрелы. Душераздирающий крик. Иван прибавил хода, подгоняя остальных.

– Ур-р-ра-а-а! – чего уж тут скрывать.

С налету проскочили через блокпост, пробежали по мешкам с песком. За баррикадой – несколько тел в серой форме, лежащих на рельсах. Мертвые бордюрики. Еще бы. Иван краем глаза заметил молодого парня – тот сидел, прислонившись к стене туннеля. Горло у бордюрика было рассечено, грудь залита темным. Из безвольной руки выпала белая кружка.

Вперед!

Второй блокпост. Здесь трупов еще больше. Впереди – вопли ярости и выстрелы.

Дымная пелена. Запах горелой пластмассы.

Они вырвались на платформу. Ярко! От обилия света голова закружилась. Пожилой бордюрщик в оранжевом пуховике выскочил навстречу, совершенно ошалевший. В руках вертикалка. Иван выстрелил в него – пум! Промазал. Выстрелил еще раз. Пум! Попал.

Уже подбегая, увидел, как тот начинает заваливаться. Лицо растерянное.

Перед наступлением они надели пластиковые бутылки на стволы винтовок и автоматов. Бутылки набили стекловатой. Самодельные глушители. Тем не менее неплохо работают. Оранжевый упал. Иван перескочил через тело – навстречу диггеру бежали трое в серой форме МЧС, древней, как само метро. Выстрел. Пуля взвизгнула, отскочив от гранита. Искры. Иван в прыжке перекатился к кроваво-красной стене. Плавным движением – раз! – оказался за выступом. Очень удобная станция, за каждым выступом можно спрятать по стрелку. Ну, не спать. Иван опустил руку к ремню. Снял с пояса холодный железный шар. Кольцо, рычаг, раз – два!

– Закрывать глаза! – орет Иван.

Полетела.

Граната. Иван садится на пол и затыкает пальцами уши. Глаза закрыты. Буммм. Вспышка видна даже сквозь сомкнутые веки. Иван открывает глаза, вскакивает...

– Вперед!

Он добегает до спуска в подземный переход. Тот обложен мешками с песком. Из щели между мешками высовывается дуло автомата...

– Ложись! – кричит Иван.

Очередь бьет в бегущего первым Коляна, срезает его начисто. Иван падает на пол и перекачивается в сторону.

Нашупывает на поясе вторую гранату. Так, кольцо, рычаг...

– Глаза! – орет Иван и бросает.

Бдуммм. Сквозь ладони просвечивает красным, свет достигает задней стенки черепа и отскакивает. Перед глазами – цветные пятна.

Иван поднимает «ублюдка» к плечу. Почти беззвучные в таком шуме выстрелы. «Ублюдок» долбитя прикладом в плечо. Попал, нет? Иван не знает. Вперед, не задерживаться.

– Ур-р-ра-а-а! – орут рядом. На светлом граните платформы чернеют тела. Грохот выстрелов оглушает.

Иван пробегает мимо упавшего адмиральца – конец Коляну – и прыгает к баррикаде вокруг спуска в переход, она высотой по пояс взрослому человеку. Иван переползает вдоль стены мешков, пригнувшись, почти на четвереньках. Поднимает автомат над головой и стреляет за стену вслепую. Рикошет по граниту. Стон. Неужели попал?! Иван отползает назад, выглядывает за баррикаду. Неподвижное тело. Хорошо. Иван рывком переваливается через стену. Зацепившись, падает грудью на мешки с песком. Твою мать. Дикое ощущение, что штурмуешь собственную станцию, «Василеостровскую». Вперед, не думать – он вскакивает...

И оказывается лицом к лицу с человеком в помятой серой форме, выбежавшим из перехода.

Рыжие волосы, пористая бледная кожа.

Бордюрщик поднимает голову, мгновение смотрит на Ивана. Светлые глаза его расширяются... Иван вскидывает автомат к плечу. Щелк. Патроны кончились. Иван нажимает на спусковой крючок еще раз, словно патроны вот-вот появятся. Палец сводит от напряжения. Бордюрщик начинает поднимать оружие. Иван прыгает к нему, бьет в лицо автоматом – плашмя, как держал. Н-на! Лязг зубов. Бордюрщик отлетает назад, задирая подбородок... Смотрит на Ивана. Открывает рот, словно собирается что-то сказать. Из носа у него вырывается темная струйка. Рыжий бордюрщик моргает. Удивление. Иван поворачивает «ублюдка» и бьет еще раз. Н-на! Под пальцами мокрый металл. Н-на! Да падай же! Бордюрщик наконец падает.

Стоя над поверженным врагом, Иван оглядывается.

Красное.

Белое лицо Маяковского на кровавой стене – чудовищное, огромное – качается перед глазами Ивана. Кажется, оно проступает сквозь слой крови.

Полстанции заволочло дымом. Ревет пожарная сирена. И света – сколько все-таки здесь света!

Очередь бьет в проем снизу, из подземного перехода. С визгом рикошетят пули, выбивая из стен куски кроваво-красной смальты. Одна из пуль попадает в световой карниз, тук, с громким хлопком взрывается лампа. Меньше света. Иван пригибается. В сверкающем облаке осколков и дымки Иван видит силуэт бегущего тигра. Дергает головой. Моргает. «Не сейчас». Мимо бегут люди в камуфляже. Иван дергается было... выдыхает. Это свои.

Резкая вонь пороха и ржавый запах крови. Дым.

Красное.

* * *

Из дыма, заполнившего станцию, выходит Шакилов, морщится, держится за щеку. Лицо у него залито кровью, левая сторона – один громадный синяк.

– Что с тобой? – спрашивает Иван. Шакилов сплевывает кровь.

– Да, пофкольфнулфя, – говорит он. – Мордой прямо в фтупеньки. Фидишь? – Шакил обнажает зубы в улыбке. Двух передних нет. Еще парочка стоит криво, розовые от крови. – Ну как, фмефно?

– Еще бы, – говорит Иван. – А что со станцией?

Шакилов поднимает руку. Взявшись пальцами, расшатывает и выдергивает зуб – лицо диггера перекашивается от боли, багровеет от усилий. Р-раз.

Он бросает зуб на пол. Сплевывает – сгусток крови алеет на светлом мраморе пола. Белый зуб, точно кусок пластмассы...

– Фсе, – говорит Шакилов. – «Маяк» нафа. Блин.

Поднимает руку и начинает расшатывать следующий зуб.

– А Восстания?

Шакилов качает головой. Убирает руку, сплевывает красным. Его куртка запачкана кровью и серой глинистой грязью. Он смешно двигает губами, языком проверяет зубы. Потом смотрит на Ивана с кровавой ухмылкой и говорит:

– Уфпели, ффолочи. Это тебе не фалаги какие-нибудь. Они там баррикаду уфтроили.

– На обоих выходах?

– Ага. – Шакилов морщится: – А ну их на фуй. Прикладом-то за фто?

Глава 6

Химики

Похороны нужны для живых.

Иван смотрел, как укладывают тела на платформе – ровными рядами. Спыхватился, стянул с головы шапочку. Волосы грязные и давно немытые. Ветерок, приходящий из туннелей, непривычно холодил затылок.

Мортусы – в брезентовых плащах, в белых масках на лицах. У некоторых респираторы. Зловещие, как... как и положено служителям смерти, в общем-то. Иван смотрел. Мортусы заворачивали каждое тело в пленку, заделывали скотчем. Потом закрывали брезентом. Была в их неторопливых движениях особая сдержанность, даже чопорность.

Сегодня им предстояло много работы. Одних убитых на станции больше трех десятков. И будут еще.

Говорят, в заброшенной вентшахте у «Проспекта Славы» мортусы построили гигантскую печь-крематорий, чтобы сжигать трупы. Вывели подачу воздуха с поверхности, дымоход. Пятьдесят метров труба. Тяга такая, рассказывал дядя Евпат, что рев пламени слышно за пару перегонов.

Но все равно это не настоящий крематорий, потому что кости не сгорают. Для этого нужна температура гораздо выше.

Поэтому в туннельном тупике за станцией «Проспект Славы» мортусы складывают обожженные, голые костяки один на другой. И теперь их там тысячи. Целый город скелетов.

А будет на тридцать с лишним больше.

– Приготовиться отдать последние почести, – глухо скомандовал главный мортус. – Минута молчания в память о павших. Сейчас.

Иван склонил голову. Тишина расплзлась по станции, поглощая отдельные очаги разговоров и шума.

Василеостровцы, адмиралыцы, невские, с Гостинки, наемники – все стояли и молчали. Вот что по-настоящему объединяет людей, подумал Иван. Смерть.

«Я хочу домой». Иван стоял, ветерок обдувал затылок и шею.

«Я. Хочу. Домой».

– Минута закончилась, – сказал главный мортус. – Прощание закончено.

Иван надел шапку, посмотрел, как уходит в туннель караван мортусов. Потом двинулся к своим.

Жрать охота, просто сил нет.

* * *

Над железной кружкой с толстыми стенками поднимался пар. Иван втянул его ноздрями – влажный, терпкий – и поднес кружку к губам. Аккуратно отхлебнул, обжигаясь. Кипяток едва-едва, на самой границе чувствительности, отдавал сладостью. Стенки кружки не горячие, особая технология времен до Катастрофы – двойные, между ними вакуум, он не проводит тепло. Когда-то давно, когда еще был жив Косолапый, Иван нашел кружку в заброшенном супермаркете среди других полезных вещей. Складной топор. Термос защитного цвета. Оранжевые футболки.

Еще там был огромный глобус из желтого камня. Иван тогда провел пальцами по гладкому боку Земли. Города, которых больше нет. Нью-Йорк, Мехико, Буэнос-Айрес, Сантьяго-де-Чили. Тверь, Бологое, Нижний Новгород. Москва. «Это магазин для путешественников, –

сказал Косолапый. – Вернее, для тех, кто хочет почувствовать себя путешественником – сидя при этом дома».

Да, Москва...

Что-то не спешат москвичи на помощь к бордющикам, а? Иван хмыкнул. Еще бы.

После взятия «Маяка» прошло пять дней. Бордюрики отбили все атаки Альянса и даже пытались контратаковать. Что они там орали в прошлый раз? Иван поморщился. «Царь Ахмет предлагает вам сдать, питерцы! Тогда вас пощадят». Ага, держите карман шире. На самом деле – патовая ситуация. И еще чай, блин, закончился.

Иван отхлебнул, поставил кружку на пол. Его команду отвели на отдых на Невский. Иван обмакнул галету в чай, откусил кусок размокшей пластинки, начал жевать.

Кружка кипятка, кусок сахара и пара твердых, как мрамор, галет – главное солдатское лакомство.

А кому-то и этого не досталось. Иван снова вспомнил похоронную церемонию.

– Я нашел способ, – внезапно сказал Сазон.

Иван с усилием проглотил недожеванный кусок, повернулся к другу.

– Какой еще способ? – Он не сразу сообразил, о чем Сазон говорит.

В мыслях все еще было прощание с мертвыми – тела, обмотанные скотчем, минута молчания. Стаканы с сивухой, накрытые галетами. Иван хотел почесать лоб, но обнаружил в правой руке надкушенную галету. Почесал левой.

– А! Ты про «Площадь Восстания», что ли?

– Газовая атака, – сказал Сазонов.

– То есть?

– Смотри, Ван. Представь, подожжем старые крыши. Поставим вентилятор помощнее, кинем провода до «Гостинки» – здесь короткий перегон, кабеля должно хватить... И вдуюм им резинового дымка в одно интересное отверстие.

– У них противогазы, – сказал Иван.

– Что, у всех?

Иван посмотрел на него почти с восхищением. Конечно, не у всех. Дай бог там десятка два противогазов на двести с лишним человек. Женщины, дети...

И тут до него наконец дошло.

Потравить газом. Вот черт.

– Ну ты и сволочь, Сазон.

– Служу Приморскому Альянсу! – Сазонов поморщился. – Извини, Ван. Что-то я заебался.

Иван кивнул. Все мы устали. То есть заебались.

– Знаешь что, друг любезный, – сказал он. – Давай еще подумаем, а? – Он услышал шаги, повернулся: – Принес?

Пожилой диггер поставил корзину на пол. В ней – желтые теннисные мячики, старые, почерневшие от времени и потных ладоней. Плоское, изрезанное морщинами, как ножом, лицо Гладышева ничего не выражало. Скуку разве что.

– Ага.

– Хорошо. – Иван поднялся. – Ну, поехали. Стройся, мужики.

– Опять, что ли? – заворчал Пашка.

– Не опять, а снова. Поехали! Солоха, тебе особое приглашение? Солоха!

– Иду, иду. – Диггер отложил книгу.

Солоха – высокий, нескладный, с копной вьющихся русых волос – читал полулежа, прилонившись спиной к своему рюкзаку. Маленькие очки без оправы сдвинуты на самый кончик носа. Солоха каждую свободную минуту проводил с книгой, но предпочитал почему-то фолианты с неудововаримыми названиями вроде «Учение дона Хуана: путь знания индейцев

яки». Сам бы Иван такое читать не стал. Точнее, однажды он попробовал, но осилил всего пару страниц.

Просто...

Слегка офигел от смысла жизни, выглядывающего со страниц, и самоустранился.

А вот Солохе нравилось.

– Готовы? – Иван оглядел диггеров. Лучше бы было увести команду подальше от шума и гама, но выбора нет. Впрочем, пусть привыкают работать в любых условиях. – Поехали! Встаньте, дети, встаньте в круг.

Начали работу одним мячиком. Иван мягко перебросил мяч Пашке, пока желтый мячик летел, сказал «И». Пашка поймал, перекинул Гладышу, сказал «ИВ». Следующий должен сказать «ИВА» – и так, пока не составится «Иван». Потом следующее имя. Затем слова наоборот, от конца к началу. Дальше мячиков становится два. Потом три. Этому упражнению научил их Косолапый. Развивает внимание, координацию и чувство партнера. У Косолапого вообще много было таких упражнений. Например, «Зеркало», когда два диггера стоят друг против друга, один что-то делает, другой повторяет – зеркалит. Вообще чувство локтя, умение «держаться партнера» затылком – едва ли не самое важное в диггерских навыках.

– Сначала поймай взгляд товарища, – повторял Иван привычную формулу. – Установи контакт – и тогда бросай. Мягко. С ощущением. Все для партнера.

Мячики летали от одного диггера к другому. Иван краем уха слышал голоса и смех окружающих – посмотреть на диггерскую тренировку собралась целая толпа. Какое-никакое, а развлечение.

Но сегодня тренировка что-то не задалась.

– Сазон! – окликнул Иван, когда тот в очередной раз уронил мячик. – Ты чего сегодня, спишь, что ли? А ну соберись.

В следующее мгновение Иван едва успел поймать мячик, брошенный с такой силой, что у него заныло запястье.

– Блять!

В толпе засмеялись.

– Извини, Ван, – сказал Сазонов без особого раскаяния.

– Ладно, на сегодня хватит. – Иван помахал рукой. Пальцы ныли. – Гладыш, собери мячики. Все ребята, шоу закончено! – В толпе разочарованно вздохнули. Иван повернулся к другу: – Сазон, у тебя все нормально? Ты какой-то замученный.

– На себя посмотри. Ты бы хоть рожу выскоблил, что ли. – Сазонов криво усмехнулся, повернулся и пошел. Бежевый плащ светился в полутьме станции.

«Куда он каждый день ходит? – подумал Иван. – Девушку он себе на «Гостинке» завел, что ли?»

Проводив друга взглядом, Иван провел ладонью по заросшей щеке, хмыкнул.

«А ведь он прав, побриться бы не мешало...»

* * *

Иван взял ковшик с горячей водой, сунул туда лезвие опасной бритвы. Попытался устроиться так, чтобы видеть в маленьком, с ладонь, зеркальце хотя бы часть подбородка. Вынул бритву из воды и аккуратно провел по намыленной щеке. Касание горячего металла. С тихим шорохом срезалась щетина.

И вот тут они и появились. Из перехода на «Гостинку» выскочил огромный Кулагин, за ним – маленький круглый человечек в цивильном костюме.

– Какого черта ты за мной ходишь, а? – в раздражении повернулся к нему Кулагин. – А?

Цивильный на мгновение смутился, потом заявил прямо в разъяренное лицо командира василеостровцев.

– Я требую!

– Что ты требуешь?

Цивильный еще набрался храбрости и даже с виду стал чуть крупнее.

– Я требую запретить светозумовые гранаты как негуманное оружие! Мировая ответственность метро...

– Клал я на твою общественность, – честно сказал Кулагин. – С прибором.

– Ослепшие люди...

Действительно, яркость гранат оказалась чрезмерной. Даже для самих нападавших. На станциях Альянса нет центрального освещения, люди не привыкли к яркому свету, которым залита «Маяковская». А уж тем более к светозумовым гранатам. Несколько человек отправили назад, к «Невскому проспекту», с ожогами сетчатки. К кому-то зрение вернется, к кому-то – нет. Такова жизнь. Иван провел лезвием по щеке, прополоскал его в воде.

– Ты вообще кто такой? – Кулагин наехал на гражданского. Огромный, в грязном армейском камуфляже, порванном на локте. – Ты что здесь делаешь? Я тебя сейчас по закону военного времени... шлепну прямо здесь. А ну, становись к стенке.

– Не имеете права! – взвился гражданский. Слабый и противный голос его обрел мощь пожарной сирены. – Я наблюдатель от мирового совета метро! Я нейтралитет...

– Ну, держись, нейтралитет.

Кулагин вытащил пистолет. Гражданский побледнел, словно из него кровь выпустили.

– Произвол! – крикнул он растерянно.

Всегда с ними так. Иван дернул щекой, провел лезвием вниз. С едва слышным хрустом срезались щетинки...

Стоит идеалистам столкнуться с настоящим насилием, весь энтузиазм сразу куда-то испаряется.

– Олечка, – негромко позвал Иван. Кулагин повернулся, встретился с ним взглядом. Иван покачал головой. Не надо.

Кулагин опомнился. Сплюнул, от души выматерился, сунул пистолет в кобуру и ушел. Финита ля комедия. А вот гражданский остался. Ой-е, подумал Иван.

– Сразу видно культурного человека! – Гражданский подбежал и протянул ладонь. Почему-то он все время передвигался мелкими, смешными перебежками. – Позвольте пожать вашу руку.

Иван посмотрел сначала на левую ладонь – кастрюля с водой, на правую – опасная бритва, затем перевел взгляд на гражданского.

– Извините, – смутился тот, но ненадолго. – Можем мы поговорить?

Иван мысленно застонал.

* * *

– Вы напали на мирную станцию! – горячился гражданский. – Как вы можете?!

– Точно, – сказал Иван. Как-то сразу расхотелось спорить. – А то, что они у нас единственный дизель сперли, это ничего. Я понимаю. Это со всяким может случиться.

– Это не доказано!

Конечно, не доказано. Вот когда «Василеостровская» вымрет, тогда будет доказано. А сейчас они пускай там в темноте развлекаются, им привычно. Впрочем, хомячку с повадками правдоборца этого все равно не понять.

– Устал я от вас, – честно сказал Иван. – Правдолюбцы, бля. Только вот правда вас не очень любит, я смотрю.

– Вы не понимаете!

Но Иван уже не слушал.

– Кузнецов! – окликнул он молодого мента. Тот подбежал – резвый, как собака Павлова в весенний гон.

– Командир. – Миша вытянулся.

Глаза сияют. Когда же у него это пройдет? Иван покачал головой. «Неужели и я когда-то тоже был таким восторженным салагой, готовым ради одобрительной улыбки Косолапого на подвиги? Нет, не был. Когда я пришел на «Василеостровскую», уже никакой восторженности во мне не осталось. А Косолапый был мне старший товарищ, а не идол для поклонения».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.